

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛА ФРЕЙБЕРГА

П. ОРЛОВЕЦ

КОРОЛЯ
РУССКИХ
СЫЩИКОВ

**НОВАЯ
ШЕРЛОКИАНА**

IV

Salamandra P.V.V.

П. Орловец

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛА
ФРЕЙБЕРГА,
короля русских сыщиков**

Salamandra P.V.V.

Орловец П.

Приключения Карла Фрейберга, короля русских сыщиков. Предисл. А. Шермана. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. – 132 с. – PDF. – (Новая шерлокиана, Вып. IV).

Каннибализм, похищение иностранцев ради выкупа, сексуальный шантаж – таковы преступления, которые расследует «король русских сыщиков» Карл Фрейберг.

Книга «Приключения Карла Фрейберга» была впервые издана в 1908 г. Ее автор, плодовитый писатель и журналист П. Орловец (П. П. Дудоров), выступил также создателем ряда произведений, посвященных российским похождениям знаменитых детективов Шерлока Холмса и Ната Пинкертона.

© А. Sherman, предисловие, 2012

© Salamandra P.V.V., оформление, 2012

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАРЛА ФРЕЙБЕРГА**

УПУЩЕННЫЙ ШАНС КАРЛА ФРЕЙБЕРГА

Книга «Приключения Карла Фрейберга, короля русских сыщиков» была впервые издана в московской типографии А. П. Поплавского в 1908 г. Ее автор, плодовитый низовой беллетрист и журналист П. Орловец (П. П. Дудоров)*, год спустя выступил создателем ряда произведений, посвященных российским похождениям знаменитых детективов Шерлока Холмса и Ната Пинкертона.

К сожалению, все приключения Фрейберга ограничились пятью рассказами, включенными в книгу 1908 г. Больше Орловец к сыщику не возвращался. Поэтому трудно сказать, мог ли Фрейберг, этот высокий мускулистый шатен «со слегка усталым энергичным лицом» и английским пробором до затылка, оставить значимый след в детективной литературе. К тому же Орловец в рассказах о Фрейберге словно бы постоянно колеблется, не в силах решить, что именно он пишет. Рассказ «Похититель живых людей», например, напоминает скорее историю о похождениях ловкого преступника, нового Ваньки Каина (неслучайно злодеем выступает здесь Сергей *Каин*, а сыщик остается в дураках). Два других рассказа близки к приключенческим повествованиям или триллерам в современном понимании, почти лишенным собственно детективной составляющей – если понимать под ней разгадку преступления; преступление в них само подсказывает свою разгадку, требуя от сыщика лишь быстроты реакции, не отягощенной мыслительными усилиями.

...Не так давно Б. Акунин решил развенчать миф о том, что преступления XIX столетия совершались и раскрывались «с изяществом и вкусом» (фраза на обложках его романов о сы-

---

* Подробнее о нем см. в предисловии А. Шермана к первому выпуску серии «Новая шерлокиана» – кн. П. Орловца «Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России» (*Прим. ред.*).

щике Эрасте Фандорине), как «бессовестный рекламный обман. Говорю это как человек, пролопативший страницы уголовной хроники русских газет, начиная с 1860-х годов (ранее в России то ли вообще не было преступности, то ли цензура не разрешала публиковать криминальные новости). Никакого изящества и вкуса в убийствах той эпохи нет. Обычное тупое зверство, часто бессмысленное и почти всегда пьяное. Газетные отчеты о душегубах “России, которую мы потеряли” вызывают тоску и отвращение» *.

Конечно, и в России, особенно в начале XX века, совершались утонченные, тщательно спланированные преступления, что чаще касалось афер и мошенничества; но все-таки заурядность и обыденность, о которых пишет Акунин, нередко касались не только быта, но и литературных сыщиков вместе с литературными злодеями. А ведь в классическом детективе загадка сыщика не менее важна, чем загадка преступления и преступника. Загадка есть в профессоре Мориарти – и Холмсе или Арсене Люпене; но дыхание загадки едва ощущается в Иване Путилине или Карле Фрейберге.

Чуть ли не единственная примечательная и отличительная черта Фрейберга – любовь к роскошным ресторанам (в рассказах Орловца мелькают известные всем читающим петербуржцам той поры «Медведь», сад «Аквариум», вполне узнаваемый «Донон» и т.д.) и обильным возлияниям.

Выпивка оказывает на Фрейберга такое же стимулирующее воздействие, как табак на Холмса, и сыщик подводит даже под свои алкогольные пристрастия теоретическую базу: «Добрая доза шампанского иногда очень хорошо действует на меня. Выпив вина, я становлюсь вдвое подозрительнее и иногда замечая какую-нибудь существенную деталь, ускользнувшую от меня в трезвом состоянии. Правда, работать я не могу, но голова, именно в силу чрезмерно развивающейся подозрительности, работает замечательно, правильно, и бывали случаи, когда весь план работы по части раскрытия какого-нибудь очень запутанного преступления создавался в моей голове именно после бутылки хорошего вина. Причем, шампанское

---

* [Любовь к истории. Блог Бориса Акунина](#). Запись от 15 ноября 2010.

действует лучше всего. Оно сильно возбуждает нервную систему». Но «король русских сыщиков» не прочь также возбудить нервную систему водкой, коньяком или вином, и мы то и дело застаем Фрейберга в ресторанном зале в компании его помощника, соратника по сыскному отделению и собутыльника Пиляева.

Видимо, прототипом Фрейберга автору виделся не столько Холмс или Люпен, сколько Пинкертон копеечных «выпусков». Загадку сыщика, то есть его эксцентричность и незаурядность, Орловец подменяет эксцентричностью самой тематики, толкая ее отнюдь не в смысле изящества или загадочности преступления, но бульварности. Отсюда в рассказах о Фрейберге приметы «светской» жизни в виде красавиц-графинь, яхт и кафе-шантанов или такие скандальные персонажи эпохи, как куртизанка Каролина Отеро, благородные разбойники, запивающие омаров бургундским, и шокирующие для читателя начала XX столетия темы: канибализм, хирургическое восстановление гимена, сексуальный шантаж (между прочим, похищение сотрудниц иностранной гуманитарной миссии ради выкупа звучит достаточно актуально).

Вместе с тем, Фрейберг не лишен потенциала: он энергичен, внимателен к деталям, наделен даром перевоплощения, отважен до безрассудства и в известной мере привлекателен. В исторической перспективе, пожалуй, из этого сыщика мог бы выйти толк, если бы его создатель не бросался из стороны в сторону в поисках очередного литературного заработка. Но приключения героя, увы, быстро перестали интересовать беспокойного автора... Орловец, а вместе с ним и Фрейберг, свой шанс упустили. Хотя – как сказать: этот упущенный шанс реализовала Е. Басманова, современный автор ретродетективов, во многих книгах которой («Заговор стервятников», «Тайна черной жемчужины», «Автомобиль Иоанна Крестителя» и др.) действуют Фрейберг и Уотсон-Пиляев. Можно так или иначе относиться к этим романам, однако, опять же в исторической перспективе, можно и утверждать, что сыщик Карл Фрейберг состоялся.

ПОХИТИТЕЛЬ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ

I

Странно, очень странно! – бормотал сквозь зубы начальник петербургской сыскной полиции, сидя у себя в кабинете.

На столе перед ним лежало несколько распечатанных телеграмм, на которых его рукой красным карандашом были сделаны какие-то пометки.

– Не могут же, в самом деле, две взрослые женщины пропасть бесследно, среди белого дня, между двумя населенными пунктами! – рассуждал он сам с собою. Ну, добро бы это были красавицы, а то... Одна старуха... другой лет тридцать пять и при этом еще на восьмом месяце беременности... Что за вздор!

Он откинулся на спинку стула и, протянув руку, взял одну из газет, лежавших на столе. Прочтя заинтересовавшую его статью, он нажал кнопку электрического звонка и, когда в кабинет вошел служащий, приказал:

– Сейчас же пошлите за господином Фрейбергом. Пусть передадут, что я требую его к себе по неотложному делу.

– Слушаюсь, – ответил служащий и, повернувшись по военному на каблуках, вышел из кабинета.

В ожидании лучшего из столичных сыщиков, славой какого по справедливости пользовался Альфред Фрейберг*, начальник сыскной полиции Николай Иванович Крутович стал снова перебирать газеты, делая на них пометки и откладывая некоторые в сторону.

Но вот, наконец, дверь отворилась и в комнату вошел изящно одетый шатен со слегка усталым энергичным лицом. Худощавый и высокий, он, казалось, весь состоял из муску-

---

* В начале книги Карл Фрейберг в нескольких местах именуется у автора «Альфредом Карловичем» (Здесь и далее прим. ред.).

лов.

Борода и усы его тщательно выбриты, волосы на голове расчесаны посередине на пробор, который по-английски спускался на затылок.

Войдя в кабинет, он поклонился Крутовичу.

– Вы посылали за мной? – спросил он слегка резким металлическим голосом.

– Да, дорогой Альфред Карлович, – живо ответил Крутович, протягивая руку. – Садитесь, пожалуйста, тут, против меня, и выслушайте меня внимательно.

– Я к вашим услугам, – поклонился Фрейберг, пододвигая к столу кресло и усаживаясь против Крутовича.

– Дело, по которому я вас вызвал, из ряда вон выходящее и к тому же случилось с иностранной подданной.

– Вы говорите, по всей вероятности, о внезапном исчезновении американской подданной мисс Торн и секретарши Елены Павловны Дегтяревой? – спросил Фрейберг.

– О, да я вижу, что вы уже в курсе дела! – удивленно воскликнул Крутович. – В таком случае нам гораздо легче говорить. Но как вы угадали, что я звал вас именно по этому делу?

– Ну, это не так трудно было угадать! – улыбнулся Фрейберг. – Вы упомянули об иностранной подданной, и я сразу понял, о чем идет речь, так как все газеты только и трубят об этом таинственном исчезновении.

– Итак, вы уже знаете суть дела?

– Да, но я вижу на столе у вас массу телеграмм, из которых некоторые касаются, вероятно, этого дела.

– Вы угадали...

– В таком случае мне было бы полезнее ознакомиться с этой историей поподробнее, а так как вы гораздо больше меня в курсе дела, то, конечно, не откажетесь посвятить меня во все его подробности?

– Прекрасно, – кивнул головой Крутович. – На вас я возлагаю большие надежды и в случае успеха гарантирую вам повышение по службе. Итак, я начинаю.

II

Начальник сыскной полиции придвинул к себе несколько телеграмм и газет, закурил папиросу и, пуская клубы дыма, начал:

– Как вам известно, дорогой Альфред Карлович, американка мисс Торн приехала в Россию с месяц тому назад, командированная одним из самых крупных американских благотворительных обществ «Всемирное братство». Цель ее поездки очень симпатична. «Всемирное братство» решило прийти на помощь некоторым голодающим губерниям России.

Не зная русского языка, мисс Торн по приезде в Россию взяла к себе на службу в виде переводчицы и секретарши некую Елену Павловну Дегтяреву, которую рекомендовали ей друзья.

Дегтярева – женщина высокообразованная, знает четыре языка, жила до замужества пять лет в Америке и состоит членом нескольких благотворительных обществ. Восемь лет тому назад она вышла замуж за помещика Тульской губернии Дегтярева, имеет одного ребенка и ждет другого. Несмотря на близость родов, она согласилась сопровождать мисс Торн, при чем сама сбавила себе жалованье, которое ей первоначально предложила мисс Торн.

Сейчас ей тридцать пять лет. Она шатенка, среднего роста, с зеленовато-серыми глазами, особой ее приметой служит родинка около правого угла рта.

Мисс Торн – женщина немного полная, лет пятидесяти, наполовину седая, невысокого роста, с энергичным лицом и голубыми глазами. Когда ее видели в последний раз, она была одета в серое, гладкого покроя платье. Особых примет, кроме того, что она не говорит по-русски, у нее нет. Приехав сначала сюда, в Петербург, она виделась с американским послом и несколькими американскими семьями и спустя пять дней выехала вместе в Дегтяревой на работу.

Сначала они посетили Смоленскую губернию, где, надо признаться, сделали много добра местному населению и, объе-

хав за месяц наиболее пострадавшие деревни этой губернии, перебрались, наконец, в Орловскую.

Пробыв в Брянске один день, они доехали по железной дороге до Навли и оттуда направились на лошадях на Кромы, посещая все встречные деревни и села.

В каждом селе их встречали обыкновенно местный учительский персонал и священники. Они помогали разобраться в местных нуждах, указывали на лиц, наиболее нуждающихся, и делали все, чтобы облегчить женщинам их трудную, честную работу.

Мисс Торн денег с собою брала обычно немного, более трех тысяч рублей у нее никогда с собой не бывало, так как она всегда переводила на свое имя деньги в города, через которые приходилось путешествовать.

Шесть дней тому назад благотворительницы выехали из села Воронцово в деревню Чернышевку, отстоящую от Воронцова на пятнадцать верст.

Поехали они на простой крестьянской телеге в сопровождении воронцовских учителя и учительницы, пожелавших проводить их до Чернышевки.

В свою очередь чернышевские учительница и священник были заранее предупреждены урядником о дне приезда гостей, и в назначенный день вся деревня вышла за околицу, чтобы встретить благотворительницу.

Но... вот тут-то и начинается необъяснимая загадка.

Прождав напрасно до вечера, чернышевцы разошлись по домам. Учительница и священник объявили народу, что мисс Торн, вероятно, решила переночевать еще раз в Воронцове и приедет, очевидно, на другой день.

Но прошел и весь следующий день, а гости все не появлялись.

На третий день решили навести справку.

В Воронцово послали верхом нарочного. Часа через четыре он вернулся и объявил, что мисс Торн, госпожа Дегтярева, учитель и учительница выехали в Чернышевку два дня тому назад.

Удивленные тем, что путешественники еще до сих пор не приехали в Чернышевку, жители Воронцова всполошились.

Не меньше переполошились и чернышевцы. На собранных сходах решено было, что путники заблудились, и поэтому из обеих деревень разослали во все стороны гонцов. Но... проплутав напрасно два дня, они возвратились с пустыми руками, не найдя никаких следов пропавших.

Интересно то, что, по наведенным справкам, путницы не проезжали ни через одну деревню.

Весть об исчезновении мисс Торн дошла вскоре до Орловского губернатора, а затем и до Петербурга. Американский посланник обратился с запросом к русскому правительству и сегодня Крутовича вызывали к градоначальнику, который категорически приказал ему принять все меры к розыску пропавших.

– Орловская сыскная полиция, – продолжал Крутович, – а также и земская сбились с ног в тщетных поисках, но та местная полиция не отличается особым искусством разоблачать уголовных преступников, так как, увлекшись политическим сыском, направила свои способности в эту сторону. Поэтому я вынужден оторвать от себя на время лучших своих помощников, руководство которыми передаю вам. На вас, как я уже говорил, я возлагаю все свои надежды и сегодня же извещу по телеграфу американское посольство и градоначальство Петербурга о вашей командировке.

Все время, пока Крутович говорил, Фрейберг внимательно слушал его, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Кого из агентов прикажете взять с собой? – спросил он, когда начальник сыскной полиции закончил, наконец, свой рассказ.

– Я думаю, будет лучше, если вы выберете себе помощников по своему вкусу, – ответил Крутович.

Сыщик поклонился.

– А когда прикажете выезжать на место?

– Чем скорее, тем лучше.

Фрейберг встал.

– В таком случае я постараюсь выехать не позже завтрашнего вечера. Сегодня и завтра утром я запасусь всем необходимым.

– И, кстати, завтра зайдите пораньше ко мне, чтобы получить дорожные деньги и бумаги, – добавил Крутович.

С этими словами он протянул сыщику руку, давая понять, что аудиенция кончена.

Откланявшись начальнику, Фрейберг вышел из здания сыского отделения и, дойдя до Невского проспекта, тихим шагом направился к Николаевскому вокзалу, близ которого помещалась его квартира.

– Готов голову дать на отсечение, что это дело рук Сергея Каина! – бормотал он себе под нос.

Месяц назад этот высокопробный бандит бежал из Орловского острога, куда его с таким трудом засадил товарищ Фрейберга Григе. Теперь он уже успел оправиться и снова показывает когти...

Фрейберг повернул на Лиговку и шагов через пятьсот юркнул в ворота.

Войдя в свою квартиру на третьем этаже, он сбросил пальто и прошел прямо в столовую, где для него уже был накрыт обеденный стол.

– А! И ты здесь! – воскликнул он, увидев стоявшего около окна мужчину.

– Да, я ждал тебя, – ответил тот ему. – Одному скучно...

Собеседник Фрейберга, Антон Павлович Пиляев*, служил таким же агентом сыской полиции и с Фрейбергом был в приятельских отношениях.

– Прекрасно сделал, что избавил меня от обязанности искать тебя сегодня, – проговорил Фрейберг, крепко пожимая ему руку.

– А в чем дело?

– Я уезжаю завтра по делу похищения мисс Торн. Не хочешь поехать со мной? Мне поручено набрать себе помощников.

Пиляев радостно потер руки.

---

* В рассказе «Страшная телятина» Пиляев именуется Валентином: вероятно, «Антон Павлович» – шутка автора, который вспомнил в этот момент о Чехове, умершем за четыре года до публикации книги.

– Что за вопрос? – воскликнул он. – Кроме удовольствия, от этой поездки я ничего не ожидаю.

– Но предупреждаю, что я подозреваю инициатором этого дела Сергея Каина, а борьба с ним, ты знаешь, не так-то уж безопасна, – счел долгом предупредить Фрейберг.

– Об этом я не беспокоюсь! – ответил Пиляев. – Ведь это тот самый Сергей Каин, который недавно бежал?

– Да. Бывший барич, потом громила и убийца, и в конце концов беглый каторжник.

– Тем лучше! – хлопнул ладонями Пиляев. – Если вы принимаетесь за это дело, так уж ему наверняка не уйти из рук правосудия.

– Ну, это еще как сказать, – задумчиво ответил Фрейберг. – Этот негодяй самого черта проведет.

Между тем старая кухарка подала обед, и приятели сели за стол, продолжая обсуждать предстоящую поездку.

III

Американский генеральный консул сэр Джон Бликсфильд вышел из своей квартиры на Английской набережной в Петербурге и, сев в поджидавшую его парную коляску, поехал в консульство.

Пройдя через приемную консульства и поздоровавшись со своим секретарем, он открыл ключом свой кабинет и приказал подать себе срочную почту. Так как приемная уже успела наполниться просителями и разным людом, пришедшим по делам, сэр Бликсфильд притворил дверь, чтобы шум голосов не мешал ему работать, и углубился в чтение бумаг.

Так прошло около получаса.

Вдруг легкий скрип двери заставил консула очнуться.

Недовольный тем, что его потревожили, он поднял голову и застыл от неожиданности и изумления.

Высокий стройный брюнет, одетый по последней моде, словно змея проскользнул в комнату, плотно, без шума, притворил за собой дверь. И прежде, чем сэр Джон Бликсфильд

успел сообразить, в чем дело, незнакомец повернул ключ и, выхватив из кармана револьвер, наставил его дуло прямо в грудь консула.

– Ни звука! – проговорил он ледяным тоном. – Малейшей попытки с вашей стороны призвать помощь будет достаточно, чтобы весь этот дом, хотя бы и вместе со мною, взлетел в воздух. Потрудитесь положить ваши руки на стол и внимательно выслушать меня.

Все это незнакомец произнес на чистейшем английском языке, которым, видимо, владел в совершенстве.

Сэр Джон Бликсфильд, как истинный американец, обладал невозмутимым и хладнокровным характером. Он мигом сообразил, что иного выхода, кроме слепого подчинения требованиям, нет. Положив руки на стол, он откинулся на спинку кресла и, спокойно взглянув на незнакомца, спросил;

– Вы, вероятно, имеете ко мне дело? Иначе я ничем не могу объяснить ваш оригинальный визит.

– Конечно, – кивнул незнакомец, не опуская револьвера.

– В таком случае, мистер...

– Свянский или попросту Каин, – подсказал пришедший.

Но, видимо, американский генеральный консул отнюдь не был в курсе русской уголовной хроники, так как названное имя не произвело на него никакого впечатления.

– Не имею чести знать, – ответил он невозмутимым тоном, – но... я позволю себе возвратиться к вопросу о цели вашего посещения.

– Сию минуту вы все узнаете, – вежливо произнес Каин. – Вы, вероятно, интересуетесь судьбой мисс Торн.

При этом имени глаза генерального консула оживились.

– Даже очень, – ответил он. – Может быть, вы знаете что-либо про ее судьбу?

Пришедший поклонился.

– Я один из похитивших ее, – сказал он с самым невинным видом. – Имею честь передать вам от нее и ее секретарши глубокий поклон и письмо.

– Где она находится? – задал вопрос консул.

– В надежном месте и в надежных руках. Будьте спокойны, они чувствуют себя прекрасно, и я надеюсь, что вскоре

одна из них благополучно разрешится от бремени. Необходимая медицинская помощь будет ей оказана...

Сэр Бликсфильд не мог не удержаться от улыбки.

– Чего же вы от меня хотите? – спросил он наконец.

– Выкупа, – хладнокровно ответил разбойник.

– И много?

– Двести пятьдесят тысяч рублей. Если американцы не захотят платить, то мисс Торн вынуждена будет отправиться на тот свет немного ранее срока.

Консул задумался.

– У меня нет таких денег, – произнес он наконец. – Дайте мне срок оповестить об этом американскую прессу и этим путем собрать необходимую сумму.

– С удовольствием, – ответил разбойник. – Я даю вам два месяца срока. Когда требуемая сумма соберется, вы должны будете вставить здесь у себя в кабинете вместо одного из наружных обыкновенных стекол в окне – красное стекло. Это будет условным знаком, после чего вы получите указание, где должна состояться передача денег.

– И тогда в обмен можно будет получить пленниц?

– Смотря по обстоятельствам. Но... на сегодня достаточно.

С этими словами разбойник вынул из бокового кармана пакет и положил его перед консулом.

– Это письмо от мисс Торн. А теперь прошу сидеть молча пять минут. Помните, что малейшая попытка поймать меня погубит не только вас, но и пленниц.

Сказав это, разбойник попятился к двери и, быстро повернув ключ, выскользнул из кабинета.

IV

Несколько секунд генеральный консул сидел в состоянии полного оцепенения. Потом он вдруг бешено сорвался с места и изо всей силы ударил кулаком по столу.

– Черт возьми, неужели я, как баран, должен слушать этого негодяя и давать ему время для того, чтобы он успел скрыться! – воскликнул он, подбегая к двери. – Поймать его, шайка его пальцем пленниц не коснется!

Выскочив в приемную, консул бросился к секретарю.

– Где тот господин, который только что был у меня в кабинете? – крикнул он. Секретарь удивленно вытаращил на него глаза.

– Разве у вас был кто-нибудь?

– Черт возьми! Он... Не выпускайте никого из приемной, дайте мне выйти и запирайте на ключ! – крикнул консул и кинулся в швейцарскую.

– Куда пошел господин, вышедший из консульства меньше минуты тому назад? – нервно спросил он, подбегая к швейцару.

Старый посольский швейцар посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Минут пять тому назад выходила из консульства какая-то дама, но с тех пор не было никого, – проговорил он удивленно.

– Значит, разбойник еще здесь! – воскликнул консул. – Я сам побуду здесь, а вы скорее звоните в полицию, скажите, что у нас находится похититель мисс Торн.

Через несколько минут в здании, где помещались американские посольство и консульство, поднялся невообразимый переполох.

Полиция, в составе которой был и Фрейберг, собиравшийся уехать вечером этого дня, оцепила не только дом, но и весь квартал, заняв все выходы в доме и во дворе.

Удостоверившись в том, что разбойнику невозможно проскочить незаметно, Фрейберг попросил пройти в приемную консульства, где секретарь запер собравшуюся там публику. Посетителей стали выпускать по одному, причем Фрейберг вместе с генеральным консулом не только осматривали каждого с ног до головы, но и записывали род занятий, фамилии и адреса.

Тотчас же обо всех выпускаемых наводили справки по телефону. Но вот наконец вышел и последний, а между тем

подозрительного не нашлось ничего. Все посетители были люди вполне легальные, ничуть не походившие на описанного консулом разбойника.

Вне себя от ярости, консул рвал и метал, пока Фрейберг вместе с несколькими сыщиками осматривал каждую щель в помещении консульства, посольства, затем в службах и наконец во дворе.

Вскоре во всем доме не осталось ни одного уголка, ни одной дощечки, которые остались бы не осмотрены и ощупаны самым внимательным образом.

Но все было тщетно.

Разбойник исчез, словно бесплотный дух, а главное – ни одна душа не видела, как он входил и выходил из дома.

– Гм... уж не галлюцинация ли была с вами? – спросил, наконец, Фрейберг, недоверчиво глядя на сэра Бликсфильда.

Генеральный консул смущенно посмотрел на сыщика.

– Со мной никогда не бывало галлюцинаций, но... теперь я и сам начинаю сомневаться, – пробормотал он.

И вдруг, хлопнув ладонью по лбу, он воскликнул:

– Позвольте, у меня на столе он оставил письмо от мисс Торн. Если его там не окажется, то я первый скажу, что вся эта история не что иное, как галлюцинация!

– В таком случае пойдете к вам! – сказал сыщик.

Вместе с Фрейбергом, консул вошел в свой кабинет.

– Нет, черт возьми, я не галлюцинировал! – обрадовался сэр Бликсфильд, подбегая к своему письменному столу и хватая с него запечатанный пакет. – Вот то письмо, которое он мне оставил.

Сыщик взял из рук консула пакет и задумчиво посмотрел на надписанный адрес.

– Но... – произнес он недоверчиво, – этот пакет, может быть, вовсе не от мисс Торн, а просто случайно отделился от этой кучи пакетов, которые вы, вероятно, получили с сегодняшней почтой.

– Это можно легко проверить, – ответил консул. – У меня в столе есть визитная карточка с собственноручной надписью мисс Торн, которую она прислала мне, когда ей что-то понадобилось во время ее пребывания в Петербурге.

Он порылся в столе и подал сыщику карточку.

Едва взглянув, Фрейберг оживился.

– Тут нет никакого сомнения: почерк один и тот же, а следовательно, пакет прислан от мисс Торн. Разбойник был здесь!

Он беспомощно оглянулся по сторонам и вдруг со злобой сжал кулаки.

– О, если бы ты попался мне в руки! – воскликнул он. – Твоя поимка была бы моей гордостью!

Но факт оставался фактом – разбойник исчез бесследно, словно провалился сквозь землю.

Через несколько часов собрались и чины полиции, бывшие в оцеплении. По их сообщениям, решительно весь квартал подвергся повальному обыску, но... поиски ни к чему не привели. Исчезновение разбойника было, наконец, признано всеми, и все, кроме Фрейберга и генерального консула, разошлись по домам.

На всякий случай в посольском дворе был оставлен караул.

V

Едва дверь отдельного кабинета в ресторане «Медведь» затворилась за вошедшими туда сэром Бликсфильдом и Фрейбергом, последний вынул из кармана пакет и произнес:

– Вы хорошо придумали, удалившись сюда. Наше уединение здесь никому не покажется подозрительным, а между тем мы одним ударом убьем двух зайцев: прекрасно поужинаем и поговорим о деле.

Он позвонил и заказал вошедшему лакею ужин и вино.

Затем, подождав, пока лакей выйдет, он не торопясь вскрыл пакет и вынул из него несколько мелко исписанных листов бумаги.

– Читайте вслух, – проговорил сэр Бликсфильд.

Сыщик утвердительно кивнул головой и, развернув листки, принялся за чтение.

*«Милостивый Государь,
Сэр Бликсфильд!*

Данное письмо пишется отчасти по принуждению, отчасти по доброй воле.

По принуждению я пишу только то, что мы взяты в плен и наша свобода обусловлена выкупом в двести пятьдесят тысяч рублей. Нам сказано, что в случае, если нас не выкупят, мы умрем, и это я сообщаю вам. Обратитесь с этой просьбой к моим соотечественникам! Умоляйте их! Бог даст, я хоть с трудом, да отдам им эти деньги. Должна прибавить, что пока с нами обращаются очень хорошо и вежливо. Во время нашего ареста разбойники, на мой взгляд, не очень похожие на разбойников, нашли у меня две тысячи рублей, но... не взяли их, заявив, что эти деньги для них мелочь. При этом их предводитель объявил мне, что все они принадлежат к одной тайной организации и что выкуп им нужен для нужд организации.

Этими словами я заканчиваю принудительное письмо и остальные строки пишу сама.

Местность и приметы ее я не упоминаю по требованию наших временных владык.

Итак, я начинаю рассказ.

Вам, конечно, известно, что мы выехали из села Воронцова в Чернышевку, сопровождаемые местной сельской учительницей и учителем. И тот и другая – весьма симпатичные люди, сделавшие много добра населению, и мне совершенно непонятно, почему губернское начальство косится на них. Впрочем, я заметила, что русское начальство вообще косится на народных учителей, как будто от них одних идет на Руси вся неразбериха.

Итак, мы выехали из Воронцова – все вместе на телеге. Было около часа дня, и погода стояла великолепная, солнечная. Проехав по полю версты две, мы въехали в лес, и вскоре дорога пошла среди почти векового леса. Этим лесом мы проехали еще версты полторы. Тут дорога делала крутой поворот, и на самом повороте стоял огромный камень, похожий на скалу. Лишь только наша телега по-

равнялась с этим камнем, как вдруг из-за него вышел человек в маске, очень прилично одетый.

Мы обмерли от страха...

Человек в маске хладнокровно взял под уздцы лошадь, проговорив:

“Вам не сделают никакого зла, если вы не будете сопротивляться, но всякая попытка к сопротивлению повлечет за собой вашу смерть. Будьте любезны сойти с телеги”.

Не помня себя от страха, мы, все четверо, сошли с телеги. Через минуту незнакомец тихо свистнул, и из леса выскочили несколько человек, одетых много проще, но так же, как и первый, в масках.

По манере и по тому, как держали себя по отношению к нему остальные, я заключила, что первый был их предводителем.

Двое из шайки завладели упряжкой, остальные держались своего атамана.

Между тем он обратился к учителю и учительнице, указывая на меня и мою секретаршу: – “Эти две особы, – сказал он, – останутся у нас в плену. Что же касается вас, то вы можете быть уверенными, что будете освобождены, как только опасность для нас от вашей преждевременной болтливости минует. А теперь потрудитесь все вместе следовать за нами”.

И нас повели в лес, куда была введена и упряжка.

Они дали нам оправиться и, видя, что моя подруга беременна, тут же заявили ей, что об этом беспокоиться нечего и к нужному моменту к ней будет доставлена акушерка.

Затем нас посадили верхом на лошадей, завязали глаза и куда-то повезли.

С завязанными глазами, поддерживаемые ими, мы путешествовали два дня, и повязки снимались с нас только во время отдыхов и ночлегов.

Насколько я помню, мы ехали все время лесом.

На третий день утром нам позволили ехать без повязок, и таким образом мы проехали еще четыре дня. Повто-

ряю, я не могу описывать местность, в которой теперь находимся, но живем мы почти комфортабельно, едим хорошо и сытно, и вообще нам оказывают большое внимание.

Главарь похитителей, которого я до сих пор не видела без маски, заявил сегодня учителю и учительнице, что завтра их повезут обратно, отдав им лошадей, и, значит, когда это письмо дойдет до вас, они будут уже на свободе. Наши похитители народ вежливый, и я склоняюсь к мысли, что это не простые разбойники, а люди партийные, и не желаю им зла.

Еще раз умоляю вас не оставить нас. Я думаю, американцы сумеют выручить свою соотечественницу.

Жду помощи. Уважающая вас

А. Торн».

Кончив чтение письма, Фрейберг внимательно посмотрел на сэра Бликсфильда.

В свою очередь, консул беспомощно глядел на сыщика.

– Я хотел бы знать, что вы думаете предпринять и что посоветуете мне, – проговорил наконец сэр Бликсфильд.

Несколько минут сыщик молчал.

Наконец по его лицу пробежала едва уловимая улыбка.

– Вот что! – сказал он решительно. – Я съезжу в Воронцово. Возможно, что по описаниям освобожденных я и нападу на след. Если нет, быстро вернусь. Вы же пока что исполняйте приказание разбойника, но... без меня денег из своих рук не упускайте.

– Хорошо, – кивнул консул. – Я понял вашу мысль. Если вам не повезет в Воронцове, то мы сумеем захватить разбойников во время передачи денег.

Два лакея внесли ужин и собеседники принялись за еду, с удовольствием прислушиваясь к звукам румынского оркестра Саввы Подурьяно, игравшего в общем зале.

Просидев в ресторане часа два и переговорив обо всех подробностях, собеседники вышли и, простившись, разошлись по домам.

VI

Пространная телеграмма американского генерального консула произвела в Америке сенсацию.

Газеты затрубили о происшествии, на голову сэра Бликсфильда дождем посыпались телеграммы с запросами о подробностях, а вскоре американские газеты стали пересылать и собранные с их помощью деньги.

От самых крупных газет приехали в Петербург даже специальные корреспонденты, в обязанности которых входило сообщать о ходе розысков и в случае неудачи присутствовать при выкупе мисс Торн.

Спустя месяц сэр Джон Бликсфильд должен был послать в Америку телеграмму с просьбой остановить присылку денег, так как требуемая разбойниками сумма была уже собрана полностью.

Он приказал выставить в своем консульском кабинете одно из оконных стекол и вставить вместо него красное стекло. Сделав это, он стал ждать посещения знаменитого сыщика, с которым почти каждый день обменивался телеграммами.

Между тем, Карл Фрейберг не терял времени даром. На другой же день, выехав утром из Петербурга с целым отрядом агентов сыскальной полиции, в числе которых находился и Пиляев, он спустя сутки прибыл в Брянск. Отсюда весь отряд, разбившись на пары, перебрался в село Воронцово.

Разместив сыщиков на двух постоянных дворах, Фрейберг вместе с Пиляевым отправился в школу. Было около одиннадцати часов утра и в школе велись занятия. Учителя Петров и Маркова (весь учительский персонал школы) были на своих местах.

Назвав им свою фамилию, Фрейберг попросил прекратить занятия, заявив, что ему необходимо переговорить с ними по важному и срочному делу.

Не зная, кто такой Фрейберг, учителя обеспокоились. Отпустив детей домой, Петров пригласил Фрейберга и Пиляева к себе, куда вслед за ними пришла и Маркова.

Услышав, что приехавшие – агенты сыскной полиции, Петров изложил им все происшествие самым подробным образом.

Но как ни ломал себе голову Фрейберг, ясности у него не прибавлялось.

– Нас и туда и назад везли с закрытыми глазами, – рассказывал Петров. – Мы не могли даже определить направление, так как лошади то и дело сворачивали то вправо, то влево, а большая часть дороги шла густым лесом. К концу путешествия наше платье оказалось совершенно изодранным кустарником. Разбойники, или, как вернее будет выразиться, похитители, заметили это и, когда мы возвратились домой, то, раздевшись, увидели пришпиленные к нашим спинам пакеты, в которых оказалось по пятидесяти рублей в каждом и записки, в которых похитители, извиняясь за невольно испорченное по их вине платье, просят принять эти деньги как возмещение убытков.

– Черт возьми, Каин совсем джентльмен! – воскликнул король сыщиков, внимательно прослушав весь рассказ.

– Как, вы знаете имя предводителя?! – удивился учитель.

– Он сам назвал себя в письме к американскому генеральному консулу. Это известный разбойник, бежавший с каторги, – ответил Фрейберг. – Похождения его отличаются грандиозностью замысла и чрезвычайно хитрым исполнением. И если меня считают королем русских сыщиков, то его смело можно назвать королем грабителей и разбойников... А скажите мне, пожалуйста, хорошо ли вы помните то место, где они впервые подошли к вам?

– Еще бы! – оживился Петров. – Ведь это всего в четырех верстах отсюда.

– В таком случае, проведите нас к этому месту, – попросил сыщик.

Быстро одевшись, Петров, Маркова и оба сыщика вышли из села и направились по дороге, ведущей к деревне Чернышевка. Скоро они углубились в лес, а спустя некоторое время подошли и к повороту. Справа от дороги возвышалась довольно высокая скала, одиноко торчавшая из земли.

– Вот здесь, – проговорила Маркова, указывая на скалу.

Пригнувшись к земле, Фрейберг, казалось, обнюхивал каждый квадратный вершок.

– Они здесь были долго, – говорил он сам с собою. – Вероятно, ожидание затянулось, так как они разводили здесь костер и готовили пищу... Гм... они любят поесть... кости кур... цыплят... коробки из-под омаров... Ого! Бутылка бургундского! В магазине она стоит не меньше трех рублей...

– Притом ботинки последнего английского фасона, – вставил Пиляев, указывая Фрейбергу на след, отчетливо выделявшийся на глинистой почве.

– Да, да, – подтвердил тот. – Несмотря на давность времени и дожди, глина прекрасно сохранила отпечаток. А вот отсюда начинается след телеги...

И, обернувшись к Петрову и Марковой, он спросил:

– Встречались ли на вашем пути овраги? Спуски и подъемы вы должны были прекрасно почувствовать.

– Овраги? – переспросил Петров. – Насколько я помню, оврагов встречалось очень много. Первый из них мы переехали приблизительно через час после того, как тронулись.

– Ага, это для меня очень важно! – воскликнул Фрейберг. – А потом?

– Право, я забыл, – ответил Петров задумчиво. – Разве вот она помнит! – указал он на Маркову.

– Ну уж нет! – отозвалась учительница. – Я со страху чуть не умерла! Где уж тут было думать об оврагах! Хорошо, что я еще осталась жива и не умерла от разрыва сердца!

– И это все, что вы можете мне сказать? – спросил Фрейберг.

– Нет, я могу еще добавить, что привезли нас обратно с совершенно противоположной стороны, – сказала Маркова. – Они отпустили нас около опушки рощи, находящейся за древней Марьино.

– Я еще могу описать место, где мы жили в плену, – проговорил Петров. – Это большая поляна, похожая на пятиугольник, посреди которой находятся две просторные землянки. Изнутри они представляют собой настоящие дома, с кирпичными стенами и деревянными полами. Каждая землянка состоит из двух комнат. Снаружи они выглядят

небольшими плоскими холмами, покрытыми, как и вся лужайка, высокой травой. Вход открывается посредством люка – обыкновенного лотка с землей, на которой тоже растет трава, и подымается он на петлях. Таким образом, если люк опустить, то не видно не только землянок, но и входов в них.

– Гм... чистая работа! – пробормотал Фрейберг. – И вас катали на лошадях...

– Пять с лишним дней, – ответил Петров. – Это все, что я могу сообщить вам.

– Благодарю вас, – сказал Фрейберг. – Хоть и немного, но все же это составляет нечто, и, Бог даст, мы доберемся по ниточке и до клубка. Еще раз благодарю. Теперь вы смело можете отправляться домой. Мне вы больше не нужны. Единственное, о чем попрошу вас, – полнейшее молчание.

Петров и Маркова пошли обратно в сопровождении Пиляева, которому Фрейберг поручил сходить за сыщиками, расположившимися на постоялых дворах.

Спустя два часа Пиляев вернулся с четырьмя агентами.

– Двое из вас останутся в Воронцове, – обратился к ним Фрейберг и тут же отделил двух из четырех.

– Ваша обязанность – следить за всем, что происходит в Воронцове. Кроме этого, я попрошу вас осмотреть хорошенько опушку рощи за деревней Марьино, и если там найдутся следы, то следовать по ним. Впрочем, вы сами знаете, что нужно делать в подобных случаях. С Богом! Времени терять нельзя!

Затем Фрейберг обратился к другим двум:

– Ну-с, а вы, господа, последуете за мной. Не будем тратить слов. Вот след колес, а вот след ноги. Пусть эти следы будут вашими путеводителями. Рассыпьте цепью! Где один не встретит следа, там встретит его другой.

Сказав это, Фрейберг, Пиляев и двое сыщиков двинулись в путь.

Первые полверсты след был ясно виден. Но там, где глиняная почва кончилась, исчез и след.

Разбредясь в разные стороны, сыщики медленно продвигались вперед, идя по направлению исчезнувшего следа.

– Здесь! – крикнул наконец Пиляев.

Все кинулись к нему.

То теряя след, то находя его снова, сыщики шли до шести часов вечера. След кружился, делал петли, пропадал в ручьях и валежнике и наконец... исчез совершенно.

Смеркалось. Переночевав в лесу, сыщики снова принялись за работу. Они охватили кольцом огромную площадь, но, промаявшись до вечера, поняли наконец, что работа их совершенно бесполезна.

Две недели рылись они в лесу, два раза возвращались в Воронцово, ходили к Марьину, но и там их постигла такая же неудача.

Промучившись еще неделю, Фрейберг решил, что искать что бы то ни было в непроходимых брянских лесах совершенно бессмысленно. Надо было найти похитителей другим способом, то есть при передаче денег. И все сыщики, известив о своем отъезде из Брянска сэра Бликсфильда, снова отправились в Петербург.

VII

В один из описываемых дней сэр Джон Бликсфильд сидел по обыкновению в своем консульском кабинете, просматривая последнюю почту. Теперь в одном из ящиков его стола незаметно лежал заряженный револьвер, и поэтому сэр Бликсфильд чувствовал себя совершенно спокойно.

Красное сигнальное стекло было вставлено уже несколько дней тому назад, и генеральный консул каждый день ждал письма с извещением, где и когда должна состояться передача денег в обмен на пленниц. Поэтому он с большим нетерпением каждый день просматривал почту, и когда ее приносили, первым делом разрывал конверты, чтобы узнать, нет ли письма от Каина.

Вот и сейчас консул только что получил письма и теперь весь углубился в разрезание конвертов. Вдруг легкий шум заставил его вздрогнуть и поднять голову.

Прежде чем он успел сообразить, в чем дело, две сильные руки сжали его ладони и повелительный голос произнес:

– Ни одного движения! Или вы погибли. Я знаю, что в левом ящике у вас лежит револьвер. Малейшая попытка сунуться туда будет стоить вам жизни.

– Тьфу, дьявол! – от души выругался генеральный консул, подымая глаза и с изумлением видя перед собой похитителя мисс Торн.

– Вы совершенно напрасно искали меня в прошлый раз, – насмешливо проговорил Каин. – Я просил вас не шевелиться пять минут лишь для того, чтобы посмотреть, умеете ли вы держать обещание.

Генеральный консул густо покраснел.

– В тот раз вы не брали с меня никакого обещания и лишь припугнули меня, – произнес он резко.

– А теперь вы должны будете его дать, иначе вот этот револьвер заставит вас пропутешествовать на тот свет. Он стреляет с помощью сжатого воздуха и не произведет ни малейшего шума, – сказал Каин и в ту же секунду перед носом сэра Бликсфильда блеснуло дуло оружия.

– Хотя и по принуждению, но... обещаю, – согласился консул, пожимая плечами.

– Даете честное слово?

– Даю... Вы пришли, наверное, по делу?

– Конечно. Времени у меня мало, и я буду краток. Все собранные вами деньги должны быть обменены на золото и в семидневный срок доставлены в село Кимры Тверской губернии.

– А там? – спросил консул.

– Там я получу их от вас, – ответил Каин.

– В этом деле есть маленькое неудобство, – задумчиво произнес сэр Бликсфильд. – Видите ли, деньги собраны при посредстве некоторых редакций, и от них приехали сюда корреспонденты, при которых и должны быть переданы вам деньги. В известном смысле это контроль и надо мной. Поэтому без них я не тронусь с места.

– О, сделайте одолжение, – рассмеялся разбойник. – Скажу вам больше, разрешаю взять с собой батальон солдат и целую

ораву сыщиков.

– Вы слишком самонадеянны! – заметил консул, которому, как ни странно, начинал нравиться этот неустрашимый бандит.

– Отчасти да, – хладнокровно ответил Каин. – Итак, через семь дней. Остановиться там вы можете где угодно. Я найду вас везде. А пока – всего хорошего. Сокращаю вам срок неподвижного сидения. Можете гнаться за мной через полминуты.

Проговорив это, разбойник попятился к двери, затем пригнулся и быстро юркнул за дверь.

Просидев полминуты, сэр Бликсфильд резко встал и вышел в приемную.

Посетителей было много, и секретарь вместе с переводчиком, ничего не замечая, занимались своим делом.

– Кто входил ко мне в кабинет? – спросил консул.

– Никто, – ответил секретарь. – Я почти постоянно посматривал на вашу дверь и не замечал, чтобы кто-либо входил. Неужели опять?..

Сэр Бликсфильд молча кивнул головой и бросился к швейцару.

Но и тот никого не заметил.

Снова поднялась тревога.

Снова полиция оцепила весь дом, снова перерыли все уголки и простукали все стены, но и на этот раз разбойник скрылся как тень, не оставив после себя решительно никаких следов.

Ликовали лишь одни корреспонденты, целый день строчившие пространные телеграммы о невероятном визите похитителя мисс Торн.

VIII

Поздно вечером сэр Джон Бликсфильд получил от Фрейберга телеграмму, в которой тот извещал о своем приезде. Действительно, на следующий день рано утром сыщик явил-

ся к консулу. Пересказав друг другу все, что произошло с каждым из них, они начали обсуждать план будущих действий.

Решено было заранее послать в село Кимры нескольких лучших агентов, которые должны были зорко следить за всеми прибывающими туда лицами. Деньги, во избежание внезапного нападения, решили везти под сильным конвоем полицейских, некоторые из них будут переодеты в форму городских агентов, и с ними Пиляев. Сам Фрейберг переоденется крестьянином и повезет, будто нанятый, на телеге золото.

Выйдя от сэра Джона Бликсфильда, Фрейберг тотчас же отправился в сыскное отделение, где распорядился о командировании целого отряда сыщиков в Кимры. Сделав это, он вполне успокоился. Теперь враг уже не уйдет от него. Он был так уверен в этом, что высказал эту свою уверенность за ужином, на который пригласил Пиляева.

Весь следующий день Фрейберг бегал по городу, собираясь в дорогу. Пиляев хлопотал не меньше его.

IX

Через три дня все было готово.

Двести пятьдесят тысяч рублей обменяли на золото, уложили в цинковые ящики и под конвоем тридцати городских, сэра Бликсфильда, восьми корреспондентов и целого штата сыщиков отправили к поезду, в котором для них отвели специальный вагон.

Для наблюдения за публикой сыщики разместились по одному в каждом вагоне и на всех площадках.

Когда на следующий день поезд подошел к Москве, вся процессия быстро переехала на Савеловский вокзал и оттуда направилась в Савелово.

В Савелове их встретил один из сыщиков, который сказал, что дом в Кимрах нанят и лошадь готова.

Фрейберг, успевший во время дороги переодеться и загримироваться под самого обыкновенного крестьянина, при помощи агентов взвалил золото на телегу и взял в руки вожжи. Переехав на пароме Волгу, отряд благополучно доехал до места и остановился в заранее нанятом доме.

Дом этот, или, вернее, двор, принадлежал крестьянину Федорову и представлял собой несколько построек. Главный дом состоял из трех комнат и выходил окнами на улицу. Кроме того, во дворе было еще два флигеля, в это лето пустовавших. Хозяин с семьей жил в одном из флигелей.

Ящики с деньгами Фрейберг поставил в главном доме, в одном из флигелей поселились консул и корреспонденты, в другом – сыщики и полиция.

По требованию Фрейберга хозяева поместились вразбивку и место для сна им было предоставлено в прихожих всех трех помещений.

Прошел скучный, томительный день...

Каин не давал о себе никаких вестей.

Прошел, наконец, и второй день, а между тем все оставалось без перемен.

На второй день вечером сэръ Джон Бликсфильд, промучившись напрасным ожиданием, лег спать около полуночи.

Ворота охранял караул.

Прошло, вероятно, часа два, когда консул во сне вдруг почувствовал легкое прикосновение к плечу. Открыв глаза, он увидел перед собою семилетнего хозяйского сына Мишу.

– Чего тебе? – спросил консул.

Мальчик пригнулся к самому уху консула и шепнул:

– Пойдемте со мной. Только чтобы никто не знал. Будто со мной гулять идете.

Быстро одевшись, консул в сопровождении мальчика вышел из дома, ответив дежурному агенту, что у него болит голова и он идет немного освежиться.

Все уже спали, и на уход консула никто не обратил ни малейшего внимания.

Х

Проведя сэра Бликсфильда по нескольким улицам, мальчик ввел его в какой-то дом. Не успели за консулом затвориться ворота, как подошел человек, в котором консул сразу узнал Каина.

– Ну что? – заговорил консул, сразу сообразив, в чем дело.
– Она здесь?

– Это не ваше дело, – холодно ответил разбойник. – Здесь вы должны передать мне деньги, и мисс Торн через сутки будет свободна.

– Значит, вы, так сказать, хотите получить деньги вперед? – удивился консул. – Ну, а чем я гарантирован, что вы, взяв деньги, не потребуете еще?

Разбойник равнодушно пожал плечами.

– Придется вам пойти на риск, – ответил он. – Я со своей стороны даю слово, что не обману. Да кроме того, если я не освобожу после выкупа пленниц, то не дадите мне второй раз денег, а следовательно, мне пользы не будет...

– Это верно...

– Ну, вот видите! Но... помните: если хоть одна душа узнает про наш разговор, мисс Торн умрет. Мне достаточно только громко крикнуть, чтобы нож вонзился в ее сердце.

– Что же вы хотите от меня? – спросил консул.

– Имеете ли вы доступ к золоту? – спросил разбойник.

– Конечно.

– Можете ли вы выслать на несколько минут караул из той комнаты, в которой хранится золото? Ведь я прекрасно знаю, что весь дом полон полицией и все село оцеплено сыщиками.

– Мисс Торн и ее секретарша здесь?

– Конечно нет! Но чтобы доказать вам, что мы имеем с ними самые близкие сношения, я попросил бы вас написать ей записку, и завтра получите от нее ответ.

– И вас не схватят по дороге?

– Вы в этом убедитесь сами.

– Гм... Но как же я передам вам деньги? – удивился консул. – Ведь вы же сами говорите, что знаете, что весь дом полон сыщиков. Отчего вы так уверены?

Каин пожал плечами.

– Вы должны помнить одно, что от вашего молчания зависит жизнь двух женщин. А теперь расскажу, как должна состояться передача денег.

– Слушаю вас, – спокойно проговорил американец.

– Я передам вам слитки олова, – сказал разбойник. – Мальчик перенесет его к вам на квартиру по частям.

– Что же я буду с ними делать? -- удивился консул.

– Вместе с несколькими корреспондентами положите его в карманы, вышлете караул из комнаты, откроете ящики и, наполнив свои карманы золотом, вложите вместо него олово. Когда вы перетаскаете все золото мне, объявите сыщикам, что встретили меня и я сказал вам, что передача должна состояться в Корчеве. А теперь – потрудитесь написать записку мисс Торн.

Минут пять генеральный консул стоял в глубокой задумчивости.

Конечно же, разбойники, не задумываясь, убьют пленниц, если его постигнет неудача. Поймать их можно, но это повлечет за собою смерть двух женщин, а между тем американские граждане поручили ему лишь выкупить соотечественницу, а не ловить ее похитителей.

Все это быстро пронеслось в голове консула, и, махнув рукой, он решил заняться ловлей разбойников лишь тогда, когда мисс Торн будет свободна.

Вырвав из записной книжки листок, он набросал несколько слов и передал его Каину.

– Я желал бы этим лишь проверить ваши слова, – произнес он.

– Я доставлю вам ответ завтра ночью, – сказал разбойник, принимая из руки консула записку. – А теперь можете возвращаться домой.

Сказав это, он прошел на задний конец двора и, перепрыгнув через забор, исчез.

В сопровождении мальчика консул возвратился и скоро уснул, утомленный дорогой и пережитым.

XI

На следующий день сэра Бликсфильда только и делал, что принимал от разных мальчиков олово. Несколько раз к нему заходил Фрейберг, но консул ни одним словом не проговорился о случившемся.

Дети не возбуждали ничьего подозрения, и стража свободно пропускала их.

После обеда консул вместе с несколькими корреспондентами вышел гулять на Волгу и тут, взяв с них обет молчания, рассказал о задуманном.

Совещание длилось недолго.

Единогласно было признано, что необходимо прежде всего освободить мисс Торн, а затем уже русская полиция пусть ищет похитителей. В том, что преждевременная поимка разбойников будет стоить жизни двум женщинам, никто не сомневался. Поэтому решено было все скрыть от сыщиков, пока мисс Торн и ее секретарша не будут выпущены на свободу.

Возвратившись домой, сэра Бликсфильд заявил Фрейбергу, что желает проверить деньги, и, выслав из комнаты караул, распечатал ящики. Вместе с ним, якобы для проверки, явилось четверо корреспондентов. Пока в комнате стоял Фрейберг, они делали вид, что считают золото, но когда ему надоело смотреть на это и он вышел из комнаты, все пятеро стали быстро распахивать золото по карманам, в сапоги и за пазуху, заменяя его оловом. Время от времени они выходили и снова возвращались до тех пор, пока все золото не было наконец заменено оловом.

Покончив с этим, сэра Бликсфильд снова запечатал цинковые ящики своей печатью и, впустив в комнату караул, как ни в чем не бывало удалился вместе с корреспондентами в свое помещение.

Остаток дня все они ходили страшно возбужденные, и лишь несколько бутылок эля немного успокоили их к вечеру. Около одиннадцати часов вечера консул и корреспонденты сделали вид, что ложатся спать. К часу ночи весь дом погрузился в сон.

Ночь выдалась темная, так как все небо покрылось тучами.

Сэр Бликсфильд уже начал было дремать, когда вдруг девятилетняя дочь хозяина, Маша, вошла неслышно в комнату и дотронулась до его плеча.

Сообрав, в чем дело, консул быстро вскочил.

– Вам письма, – зашептала девочка. – Приказали передать, чтобы никто не видел.

И, помолчав немного, она сунула в руку консула два письма, проговорив весело;

– А мне за это целый фунт конфет дали!

Выслав девочку вон, сэр Бликсфильд засветил огонь, разбудил корреспондентов и распечатал письма.

Первое было от мисс Торн.

«Сэр Бликсфильд! – писала пленница. – Умоляю вас слушать наших похитителей, иначе мы погибли. Вашу записку я получила. Пока мы не терпим никакой нужды, но положительно не знаем, где находимся. Можете известить мужа моей секретарши, что его жена благополучно разрешилась от бремени две недели тому назад и теперь уже ходит. У нее родился прехорошенький мальчуган. Похитители прислали к роженице очень хорошую акушерку. Но сегодня нам заявлено категорически, что малейшая попытка с вашей стороны к неисполнению приказаний похитителей повлечет за собою нашу смерть. К нам приставлены четыре вооруженных человека, которым приказано заколоть нас, если поступит сигнал. Умоляем, спасите нас!

Ваша преданная Торн».

Другое письмо было от самого Каина и заключало в себе несколько слов: «Третья доска справа заднего забора двора подымается. Заберите золото и немедленно пройдите в со-

седний сад».

– Что делать? – спросил консул, взглянув на корреспондентов.

– Как что?! – удивились они. – Надо делать то, что приказано!

Набив полные голенища и карманы золотом, все пятеро вышли на задний двор. Караул стоял снаружи, и никто их не заметил.

Подойдя к задней части забора, сэр Бликсфильд ощупью нашел доску и, подняв ее, люди проникли в соседний сад. Тут приблизилась темная фигура и знаком велела следовать за ней.

Пройдя через соседний сад, все шестеро вошли в какой-то погреб, и дверь за ними захлопнулась. Карманный фонарь осветил помещение, и вошедшие увидели Каина и нескольких людей в масках.

– Принесли золото? – спросил разбойник.

– Да, – коротко ответил консул.

Началась передача.

По мере того, как люди в масках нагружались золотом, они исчезали один за другим. Когда, наконец, последняя тысяча была пересчитана, Каин вежливо снял фуражку.

– Теперь, сэр Бликсфильд, я даю вам записку, в которой извещаю, что передача денег должна состояться в Корчеве. Как только вы приедете туда, пленницы к вам придут. А сейчас я сам провожу вас обратно.

ХII

– Неужели он являлся сюда? – удивленно воскликнул Фрейберг, когда на следующий день консул показал записку Каина. – Это какой-то демон, а не человек!

– Как видите, – ответил консул. – Ничего не остается делать, как отправляться в Корчев.

– Ну, там уж он не уйдет от нас! – воскликнул сыщик.

Выскочив во двор, он приказал собрать агентов и, когда

они собрались, половину из них отправил в Корчев. А через час весь остальной отряд торжественно укладывал ящики с оловом на пароход.

Каково же было удивление всех сыщиков, когда пароход причалил к корчевской пристани и Фрейберг увидел стоящих на ней мисс Торн и Дегтяреву с ребенком на руках. Не понимая, в чем дело, Фрейберг подскочил к консулу:

– Как! Они свободны и... без выкупа?!

Сэр Джон Бликсфильд улыбнулся.

– Выкуп уже отдан, – произнес он.

Сыщик схватил себя за волосы.

– Как отдан? Где? Когда?

Консул коротко рассказал все.

– Так, значит, мы везли сюда олово! – воскликнул сыщик.

– О, я понял теперь, что негодяй перехитрил меня. Мое сердце чувало что-то недоброе, и мои агенты обыскивали самым тщательным образом не только всех выезжающих из Кимр, но даже выходявших на прогулку! Он сообразил, что попадет-ся в наши руки, и поэтому обманом удалил нас! Но вы-то, вы!.. Как вы могли исполнить его требование?

– Для меня дороже была жизнь пленниц, – ответил консул.

– Но ведь они...

– Мы безусловно погибли бы! – произнесла мисс Торн, слышавшая весь разговор.

– К черту! – заревел Фрейберг. – Теперь все кончено! Их уже нет в Кимрах; туда ехать бесполезно!

Он понурил голову и долго молчал.

– Откуда вас освободили? – спросил он наконец мисс Торн.

– Нас везли сюда с завязанными глазами, – ответила американка. – Два человека сопровождали нас и освободили в двух верстах от города.

– Ну, погоди! – отвернувшись, яростно воскликнул Фрейберг. – Ты попадешься мне в другом деле!

И, не поклонившись даже сэру Бликсфильду, он направился в город, приказав на ходу своему отряду:

– Сегодня вечером мы едем в Питер. Когда люди помогают разбойникам, разбойников не поймать.

ГРОМИЛА-ЛЮБИТЕЛЬ

I

Карл Фрейберг, справедливо названный королем русских сыщиков, сидел в своем кабинете, углубившись в чтение газет, которые целым ворохом лежали перед ним. Вероятно, что-то сильно заинтересовало его, так как время от времени он прекращал чтение и недоумевающе покачивал головой.

– Странно... очень странно, – пробормотал он наконец, бросая газетный лист на стол. – Что ни день, то новый грабеж, самого отчаянного свойства, и по существу весьма странный. Ну зачем, спрашивается, громиле нужно коверкать все, что нельзя унести? Ведь это какое-то безумие! И главное, что полиция до сих пор никак не может отыскать виновного!

Громкий звонок прервал его размышления. Спустя несколько минут в комнату вошел сыщик Пиляев, с которым Фрейберг очень дружил и почти всегда работал вместе.

Вид у Пиляева был очень озабоченный, что сразу бросалось в глаза. Поздоровавшись с вошедшим, Фрейберг вопросительно взглянул на него.

– Опять что-нибудь случилось? – спросил он с любопытством.

– Случилось! Да не простое дело, а можно сказать – колоссальное! – ответил тот, снимая перчатки.

– Что такое?

– Полный разгром лучшего ювелирного магазина!

– Не может быть! Где?

– Здесь, у нас, в Петербурге. Сегодня ночью ограблен магазин Федорова.

– Тот самый, который выходит фасадом на Невский?!

– Представьте!

– И на много?

– Тысяч на триста. Громилы не брали ни золотых, ни серебряных вещей. Их только сильно перековеркали. Зато захватили с собой все бриллиантовые вещи и деньги из кассы.

– Это интересно! – заметил Фрейберг живо. – Вы говорите, что серебряные и золотые вещи не украдены, а лишь исковерканы?

– Да.

– В таком случае, это дело опять-таки того неувлимого преступника, который всюду после себя оставляет разгромленные вещи, те, что не может захватить с собою.

– Да, да! – подтвердил Пиляев. – Пойдемте-ка посмотрим на разгром.

– Сию минуту! – ответил Фрейберг, быстро переодеваясь.

Оба сыщика вышли из дома и, взяв извозчика, поехали в Гостиный двор. Около ограбленного магазина стояла толпа народа, в центре внимания которой были два приказчика, в двадцатый раз пересказывавшие публике подробности погрома.

Полицейские чины упрасивали народ разойтись, но толпа с каждой минутой продолжала расти. С трудом пробравшись сквозь нее, Фрейберг и Пиляев вошли в магазин, в котором уже собрались следователь по особо важным делам, начальник сыскной полиции и его помощник, полицеймейстер и несколько агентов сыскного отделения. Поздоровавшись со всеми, Фрейберг и Пиляев приступили к осмотру.

В правой боковой стене была пробита большая дыра. Выбитые из стены кирпичи валялись тут же на полу, а около них лежали и орудия громил: лом, долото, топор, какие-то крючки, напильники и тому подобные инструменты.

– Громилы, видать, люди не бедные! – произнес Фрейберг, рассматривая инструмент. – Эта коллекция стоит не меньше трехсот рублей. Гм... они приехали к нам с Кавказа...

– Кто? – тут же спросил начальник сыскного отделения.

– Громилы, – ответил Фрейберг.

– Почему вы так решили?

– Инструменты кавказского производства и притом очень хорошей тифлисской фирмы. Не угодно ли Вам взглянуть на клеймо?

– Да, действительно, – проговорил начальник сыскной полиции. – Удивительно, как я просмотрел.

Между тем, Фрейберг продолжал осмотр, лазая на коленях по полу и разглядывая каждую мелочь, время от времени пользуясь увеличительным стеклом.

– Один из них, вероятно, обрезался, – заговорил он снова. – Вот капли крови... Ага! Один был в шерстяном костюме темно-коричневого цвета...

– Из чего вы это заключаете? – любопытствовал следователь.

– А вот посмотрите-ка внутрь пробоины, – ответил сыщик. – Она не особенно широка. Ее пробили лишь настолько, чтобы мог пролезть человек средней комплекции. Поэтому тот, кто пролезал, терся телом о кирпичи, и если вы осмотрите через увеличительное стекло внутреннюю поверхность пробоины, то заметите волоски шерсти, отделившиеся от костюма и оставшиеся на стенах поверхности.

– В самом деле, – подтвердил следователь, осмотрев пробоину через увеличительное стекло.

– Рядом с этим магазином что помещается?

– Книжный магазин Оболдуева, – ответил один из сыщиков. – Пролом вели оттуда, а...

– Дело не обошлось без подобранных ключей, – перебил Фрейберг, который успел уже пролезть в соседний магазин и тщательно осматривал его. – Что установили опромы сторожей?

Говоря это, сыщик снова влез в ювелирный магазин. К нему подошел начальник сыскного отделения.

– Показания сторожей очень странны, – заговорил он. – Весь Гостиный двор охраняется особой артелью гостинодворских сторожей, и каждый прекрасно знает в лицо всех

хозяев охраняемого им участка. Сторож, стоявший на посту во время ограбления, говорит, что сам старик Оболдуев зачем-то проходил в свой книжный магазин около часу ночи. По его словам, Оболдуев открыл своим ключом дверь и, пробыв в магазине часа два, вышел оттуда с пакетом, запер дверь и, сев на извозчика, уехал...

– Он арестован?

– Да, хотя...

– Хотя что?

– Это показание слишком невероятно! По произведенному следствию оказалось, что старик в эту ночь не выходил из дома. У него были гости, и в их числе один из помощников пристава, все они подтвердили, что старик ни на минуту не отлучался из дома.

– Зачем же его арестовали?

– Право, трудно сказать! Все так запутано...

– На вашем месте я немедленно освободил бы его, – проговорил Фрейберг. – Дело ясно, как день. Громила удачно загримировался под Оболдуева и, не возбуждив подозрения сторожей, сделал свое дело.

– Черт возьми, ведь это же вероятнее всего! – воскликнул начальник сыскного отделения и, обернувшись к одному из сыщиков, сказал:

– Вот письмо с моей подписью, вставьте слова: «Освободить немедленно» и «Оболдуева» и распорядитесь сейчас же, чтобы его выпустили на свободу.

II

Между тем, Фрейберг продолжал рассматривать каждую мелочь. Он брал в руки исковерканные предметы и внимательно вглядывался в них через увеличительное стекло.

Вдруг он спросил:

– Есть ли у кого-нибудь фотографический аппарат?

– Есть, – ответил один из сыщиков.

– Дайте мне его сюда!

Сыщик подал аппарат, и Фрейберг, вынеся серебряную вазу на свет, сфотографировал ее.

– Что вы делаете? – удивился следователь.

– Видите ли, – пояснил Фрейберг, – на этой вазе ясно отпечатались следы большого и указательного пальцев. Громила ломал ее. Фотография этих отпечатков может в данном случае сослужить мне большую службу, и я очень рад, что мне удалось заснять вазу...

Дальнейший осмотр не дал никаких результатов.

На счастье Фрейберга, оказалось, что хозяин магазина сделал фотоснимки своих лучших ювелирных вещей. Эти фотографии по просьбе сыщика были отданы ему.

Выйдя из магазина, Фрейберг кинулся в первый попавшийся фотографический салон.

– Можете ли вы переснять эти фотографии? – спросил он, показывая карточки фотографу. – Мне они необходимы срочно. Если можно, то к сегодняшнему вечеру.

– Можно-то можно, – ответил фотограф, – но только это будет стоить очень дорого.

– Я плачу любую цену.

– А по сколько снимков сделать с каждой?

– Штук по сто.

– Тогда это лучше сделать литографическим способом, – сказал фотограф.

Фрейберг бросился к литографам.

Быстро сговорившись и попросив сделать как можно более четкие оттиски, он пообещал зайти за заказом под вечер.

В тот же час несколько сыщиков были посланы во все ломбарды, где они должны были следить за лицами, приносящими в залог бриллиантовые изделия.

Зайдя вечером в литографию, Фрейберг забрал оттиски и в ту же ночь отправил их во все ломбарды и ювелирные магазины Петербурга и Москвы.

– Конечно, воры могут вынуть камни, а металл переплавить, – объяснил Фрейберг Пиляеву, – но это сильно обесценит украденные вещи. Если воры очень жадны, они

этого не сделают, зато при продаже вещей им легче попасться...

– Если только они не выедут с ворованным за границу, – усмехнулся Пиляев.

– Конечно, – согласился Фрейберг. – Ведь это мера на всякий случай. Признаюсь, я и сам не придаю ей особого значения. На эту примитивную удочку вряд ли попадается умный вор. Для меня гораздо важнее было узнать, что костюм был шерстяной, темно-коричневого цвета и что инструменты приобретены на Кавказе.

– Но почему вы предполагаете, что инструмент куплен именно там, а не здесь? – спросил Пиляев, пожимая плечами. – Ведь фирма могла иметь своих посредников в Москве и Петербурге.

– Совершенно верно, – ответил Фрейберг. – Но, насколько я знаю, ни одна из кавказских фабрик не экспортирует изделия подобного рода во внутренние российские губернии. Кавказскому рынку не хватает даже местных изделий, и этот недостаток восполняется среднероссийскими и уральскими.

III

Весь второй день Фрейберг, Пиляев и начальник сыскной полиции расследовали дело дальше.

К вечеру из Тифлиса была поручена телеграмма от местного сыскного отделения. В ней сообщалось, что, по наведенным справкам, описанные в телеграмме Фрейберга инструменты были действительно куплены в Тифлисе, но хозяин магазина не знает покупателя и впервые видел его. Инструменты куплены все сразу, и только благодаря этому, хозяин помнит об их продаже, в книге проданного товара они записаны вместе, и цена по счету стоит общая. Куплены они четыре с половиной месяца тому назад и, насколько помнит хозяин, покупал их очень приличный человек средних лет, брюнет.

Кроме этих сведений, тифлисская сыскная полиция не могла сообщить ничего интересного.

– Маловато, – произнес Фрейберг, прочитав телеграмму.

– Мы видим только одно, – возразил начальник сыскной полиции, – что ваши предположения и выводы правильны с самого начала, а это очень важно. Сейчас мы знаем если и не много, то и не так уж мало. Одним словом, мы знаем, что громилы – человек интеллигентный, брюнет, не урод, средних лет, имеет темно-коричневый шерстяной костюм, был четыре с половиной месяца назад на Кавказе и, по всей вероятности, тамошнего происхождения. Он хорошо владеет гримом, умеет подделывать походку, очень хладнокровен и, должно быть, бреет усы и бороду. Возможно, что усы он и не бреет, а лишь подкрашивает их по мере надобности в тот или иной цвет... Как-никак, все эти данные составляют ценный материал для дальнейших розысков, а обещанная награда в двадцать тысяч рублей за обнаружение украденного тоже должна помочь делу.

Проговорив это, начальник сыскного отделения с улыбкой взглянул на Фрейберга.

– Надеюсь со временем угостить вас прекрасным ужином, – ответил Фрейберг.

– Ого! – воскликнул начальник. – Вы, кажется, уже заранее присваиваете себе честь поимки громилы?

– Я только надеюсь, – ответил знаменитый сыщик, пожимая плечами.

И, помолчав немного, он добавил:

– А пока я должен удалиться.

– Уж вы постарайтесь! – слезливым тоном обратился к нему стоявший тут же хозяин магазина Федоров. – Сами видите, какое тут дело! Будь пропажа тысяч на сто, я бы вынес кое-как, а то ведь триста тысяч! Ведь я обанкрочусь через два дня! Да что через два. Я и сейчас уже банкрот! Не думал, что на старости лет придется мне в богадельню идти...

Крупные слезы полились из глаз старика.

– Ну, до этого, надеюсь, дело не дойдет! – успокоил его сыщик. – Не теряйте только присутствия духа.

И, пожав старику руку, он в сопровождении Пиляева вышел на улицу.

IV

Когда оба сыщика вошли в квартиру Фрейберга, последний казался очень задумчивым.

– Ты переночуешь у меня? – спросил он товарища.

– Если нужно... — начал Пиляев, но Фрейберг перебил его:

– О, нет, для дела в этом нет никакой необходимости, сегодня я уделю весь вечер отдыху. С завтрашнего дня нам предстоит слишком много хлопот, и поэтому я хочу сегодня повеселиться. Тот, кто похитил на триста тысяч, добровольно не отдаст в наши руки приобретенное богатство, и, значит, борьба за его обладание будет идти не на жизнь, а на смерть...

Он немного помолчал и тихо добавил:

– Кто знает, может быть, один из нас или мы оба... кутнем сегодня в последний раз.

– Итак, вы собрались кутить? – спросил, улыбаясь, Пиляев. Он, хотя и пил уже со своим приятелем на брудершафт, все-таки, несмотря на долгую дружбу, продолжал сбиваться на «вы».

– Да, мы сегодня кутим, — ответил король сыщиков. — Хорошая доза шампанского иногда очень хорошо действует на меня. Выпив вина, я становлюсь вдвое подозрительнее и иногда замечаю какую-нибудь существенную деталь, ускользнувшую от меня в трезвом состоянии. Правда, работать я не могу, но голова, именно в силу чрезмерно развивающейся подозрительности, работает замечательно, правильно, и бывали случаи, когда весь план работы по части раскрытия какого-нибудь очень запутанного преступления создавался в моей голове именно после бутылки хорошего вина. Причем, шампанское действует лучше всего. Оно сильно возбуждает нервную систему.

– Итак, мы отправляемся? Ну что ж, я готов! – согласился Пиляев. – Куда же?

– Да поедем в «Аквариум»*. Это ближе и веселее.

Сказав старухе-кухарке, где их в случае необходимости можно отыскать, сыщики вышли на улицу и, взяв извозчика, приказали везти себя на Каменноостровский проспект. Когда они приехали в «Аквариум», было уже часов десять, и публики в саду собралось много.

Сад, залитый светом тысяч электрических лампочек, казался каким-то сказочным уголком, приютом страсти и беспечного разгула. На открытой сцене извивались две испанки, вокруг занятых столов суетилась стая лакеев, а густая толпа публики с мелькавшими среди нее девицами из различных хоров, тихо колыхаясь, двигалась взад и вперед по аллеям, обмениваясь шутками и скабресными фразами. Среди толпы выделялась королева бриллиантов «la belle Otero»**, стройная высокая испанка, вся осыпанная драгоценностями, сверкающими под лучами электричества.

– Гм... – произнес Фрейберг, указывая на нее глазами. – Я думаю, стоимость ее бриллиантов превысит даже стоимость похищенных у Федорова...

– Не сомневаюсь, – ответил Пиляев. – Говорят, что эта женщина не принимает никаких подарков, кроме бриллиантов, и при том сама страшно скупа. Ведь эти вещички она копит уже более двенадцати лет, и ни одна из них не была знакома с ломбардом.

---

* Фешенебельный увеселительный театр-сад, созданный предпринимателем Г. Александровым в 1886 г. С начала 1900-х гг. кафе-шантан; в 1908 г. в «Аквариуме» был построен крупнейший в Петербурге театр-варьете.

** «Прекрасная Отеро» (*франц.*). Речь идет об одной из самых известных куртизанок 1900-х гг., актрисе и танцовщице Каролине Отеро (1868-1965), к любовникам которой молва причисляла великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича, принца Монако Альберта I, короля Англии Георга VII, королей Сербии и Испании и многих других аристократов и знаменитостей.

Разговаривая таким образом, приятели прошлись раз десять взад и вперед по саду и затем, пройдя через террасу, приказали провести их в кабинет.

Ужин был заказан.

Сначала подали закуску и несколько сортов водки, приятели с удовольствием выпили по пару рюмок. После борщика и филе сотэ с шампиньонами были поданы шампанское и фрукты.

Золотистая влага весело запенилась в бокалах, и под ее действием приятели быстро повеселели. За первой бутылкой последовала вторая. Прихлебывая искрящееся вино, Фрейберг, казалось, был далек и от этого кабинета, и от всего, что здесь происходило.

Вдруг он поднял голову и пристально посмотрел на Пиляева.

– Он вошел в магазин без пакета, – произнес Фрейберг сквозь зубы.

– Кто? – удивленно спросил Пиляев, на которого выпитое вино подействовало довольно сильно.

– Громила, переодетый Оболдуевым, – ответил король сыщиков.

– Ну, ну так что же?

– И вышел из магазина с пакетом...

– Что вы хотите этим сказать?

– Не кажется ли вам это странным? – спросил Фрейберг после нескольких секунд молчания.

Пиляев пожал плечами.

– Не понимаю, что может тут казаться странным? – произнес он, недоумевая. – Ведь он похитил вещи...

– Только бриллианты и еще драгоценные камни, – перебил Фрейберг. – Одна брошь стоит двенадцать тысяч рублей, другая – пятнадцать... Затем три пары серег ценою от четырех до шести с половиной тысяч каждая и пять перстней ценностью от двух до трех тысяч каждый. Вот все вещи! Остальное состоит из невправленных камней: бриллиантов, рубинов и изумрудов...

– Не понимаю, к чему вы клоните, – проговорил Пиляев.

– Золотые и серебряные изделия не тронуты, – продолжал между тем Фрейберг. – Даже такие вещи, как, например, броши, серьги и перстни с камнями, цена которых не превышает полутора ста рублей, не тронуты!

– Ну и что из этого?

Фрейберг налил в бокалы шампанского и, выпив свой залпом, произнес:

– А то, что для того, чтобы унести эти вещи, вовсе не нужно было завертывать их в какой-то пакет, притом, по показанию сторожа, довольно большой.

– То есть...

– Двух обыкновенных карманов и даже одного было бы совершенно достаточно, чтобы унести из магазина не только на триста тысяч рублей, но и на полмиллиона.

– И все-таки я не могу понять, к чему вы ведете речь, – пробормотал Пиляев. – По-вашему выходит так, будто бриллианты не унесены из магазина...

– Или вынесены оттуда заранее...

– И загримированный человек посетил ночью магазин лишь для того, чтобы спутать следы?

– Оба предположения одинаково допустимы, – ответил знаменитый сыщик. – Одно из двух: или похищенное находится где-нибудь в магазине, или оно унесено оттуда раньше, и тогда в последнем случае можно строить опять-таки два предположения: либо из магазина все унесено хозяином, либо кто-нибудь из своих заранее выкрал вещи, а затем уже симулировал разгром, пройдя загримированным и проломав стену лишь для виду...

– Но... откуда же у здешних людей может быть тифлисский инструмент, кстати, купленный лишь четыре месяца тому назад? – удивился Пиляев.

Фрейберг не ответил ничего.

Казалось, слова товарища подали ему какую-то новую мысль.

Несколько минут он сидел молча, погруженный в свои мысли, не замечая подлитого в бокал шампанского. Но наконец он очнулся. Выпив залпом бокал, он позвонил и, когда лакей вошел в кабинет, приказал:

- Цыган.
- Цыгане заняты, – ответил лакей, делая почему-то печальную физиономию.
- Кем? – любопытствовал Фрейберг.
- Не знаю-с, – ответил лакей. – С испанкой Отеро какие-то гости сидят.
- Можешь идти, – произнес сыщик вялым голосом. — Да, принеси еще две бутылки вина.
- Слушаюсь, – поклонился лакей и вышел из кабинета.

V

Было уже около двух часов ночи, когда приятели, заплатив по счету, покинули кабинет и вышли в сад. Большая часть публики уже разошлась по домам, и теперь в саду оставались только пьяные и подыскивающие себе женщин.

Фрейберг и Пиляев стали бесцельно бродить по саду, как вдруг женский голос привлек их внимание.

Взглянув на говорившую, они сразу узнали в ней цыганку.

– Только бриллиантами и берет! – говорила она, обращаясь к шедшей рядом с нею другой цыганке. — Сегодня, как показал он ей бриллиант, так у нее аж глаза загорелись! Такая жадная, страсть! Притулилась к нему, да так и задыхается!

– Барвало!* — ответила другая, говоря, очевидно, про мужчину.

– Хору триста рублей дал...

Фрейберг схватил Пиляева за руку и нарочно отстал от цыганок. Затем, сделав по саду круг, он вместе с Пиляевым подошел к ним.

– Что же, красавицы, вы ходите по саду? – спросил он. — Пойдем хоть в кабинет, что ли?

---

* Богатый (цыганск.).

Цыганки окинули сыщиков внимательным взором, но, увидя на их руках дорогие перстни, сразу успокоились.

– Что ж... пойдёмте, – согласились они. – Вы пойдите в кабинет, займите его и пришлите за нами.

– А как вас назвать?

– Шура и Маня.

Оба сыщика снова заняли кабинет и послали за цыганками. Через несколько минут они вошли, сели за стол, и, по общему согласию, был заказан ужин и подано вино.

Фрейберг и Пиляев, и без того подвыпившие, развернулись вовсю. Они шутили, рассказывали смешные анекдоты, приноравливаясь к уровню понимания цыганок, поили их вином и вели себя, как школьники. Взамен этого цыганки, в круг интересов которых входили лишь ресторан и ресторанные события, выкладывали перед ними все новости и сплетни «Аквариума».

– Что это вашей Отеро, кажется, сегодня повезло? – спросил между прочим Фрейберг.

Глаза Шуры алчно засверкали.

– Тысячи в полторы бриллиант получила, – ответила она. – За него и в номер к нему поехала.

– Ого! – воскликнул сыщик, наливая Шуре вина. – Что же это, перстень или брошь?

– Нет, прямо камень. Он говорил, что вывалился будто из его перстня.

– Красивый гость? – продолжал расспрашивать Фрейберг.

Цыганка пожала плечами:

– Не то, чтобы очень! Приезжий, должно быть. Чернявый, высокий...

– Кавказец? – быстро спросил Пиляев.

– А кто его знает?! – равнодушно ответила Шура и вдруг с живостью закончила:

– Вот подари-ка мне такой камень! Хоть вдвое меньше...

– В следующий раз привезу, только не такой большой, – посулил Пиляев. – Только ведь Отеро, ты говоришь, поехала с ним куда-то?

– Ну, она одно дело, а мы другое, – рассердилась Шура.

– Куда же она с ним поехала? В номера, говоришь?

– Может быть, и не в номера, – пожалала плечами Шура.

– Уехала с ним часа два тому назад, да и все тут. А вы хор будете слушать? Ведь нам так сидеть нельзя.

Отговорившись тем, что им уже пора ехать, Фрейберг и Пиляев сунули цыганкам отступного и покинули ресторан. Через полчаса все гостиницы и приюты любви были опрошены по телефону о том, не приезжала ли в них знаменитая королева бриллиантов, но отовсюду давали отрицательный ответ.

Красавица, а вместе с нею и ее кавалер бесследно исчезли.

К ее квартире были посланы два лучших агента, но и они явились с известием, что Отеро не возвращалась с тех пор, как поехала в ресторан.

– Нам ничего не остается, как самим дожидаться ее приезда, – проговорил знаменитый сыщик. – Пойдем, Пиляев.

VI

Ждать возвращения испанки им пришлось до десяти часов утра. Она подкатила к подъезду своего дома на изящном автомобиле, и едва только успела соскочить с него, как шофер, не дожидаясь ее приказа, дал машине полный ход и стремительно исчез в переулке. Все это произошло так быстро и, главное, так неожиданно, что сыщики едва успели опомниться, и лишь Фрейберг заметил, что на автомобиле стоял номер сто пятый.

Видя, что преследование автомобиля вряд ли принесет пользу, Фрейберг поручил его на всякий случай Пиляеву, а сам, вежливо приподняв шляпу, подошел к испанке.

– Простите, сударыня, – заговорил он, – мне очень нужно, чтобы вы уделите мне несколько минут.

Испанка сделала сердитый жест.

– Я на улицах не знакомлюсь, – ответила она, довольно сильно коверкая русский язык.

– Но я главный агент сысской полиции, – пояснил сыщик.

Испанка сделала испуганные глаза.

– Разве что-нибудь случилось? – спросила она тревожно.

– О, не беспокойтесь! – успокоил ее сыщик. – Я только намерен задать вам несколько вопросов.

– Я... я... с удовольствием... – пробормотала красавица, нажимая на кнопку звонка.

Дверь отворилась, и изящная горничная пропустила их в прихожую.

Дав сыщику раздеться, испанка сбросила с себя роскошную кружевную накидку и, сказав горничной, что позовет, когда будет нужно, отпустила ее.

– Пройдемте в будуар, – предложила она.

Следом за ней Фрейберг прошел в изящный будуар цвета бордо, отделанный таким образом, чтобы все дефекты немолодого лица тщательно скрывались цветом обстановки.

– Я вас слушаю, – произнесла испанка, опускаясь на шелковую кушетку и указывая сыщику на кресло.

– Приступлю прямо к делу, – начал тот. – Мне необходимо знать фамилию того господина, с которым вы сидели вчера в кабинете.

– В «Аквариуме»? – спросила Отеро.

– Да.

– Гм... Как вам сказать, – задумчиво ответила красавица. – Мне он назвался итальянцем Перлипини, но... нам часто говоря ненастоящие имена, в особенности те, кто носит на руке обручальное кольцо.

– А у него оно было? – с живостью спросил сыщик.

– Было. Поэтому-то я и думаю, что он солгал. Кроме того, он один раз ошибся и назвал себя не Перлипини, а Перипини.

– Он подарил вам бриллиант? – продолжал расспрашивать сыщик.

– Да.

– Могу я на него взглянуть?

– Конечно.

Испанка встала, прошла в переднюю и возвратилась с ридикулем в руках.

– Вот, – она вынула из сумочки великолепный бриллиант и подала его сыщику.

Взяв камень из рук, Фрейберг долго рассматривал его со всех сторон, затем, положив на стол, вынул из кармана фотографию и список украденных вещей с обозначением их стоимости.

– Гм... цена этому камню тысячи полторы, но, к сожалению, он не похож ни на один из украденных, – пробормотал он наконец.

– Как? Вы сказали, краденый? – заволновалась испанка. – Объясните, пожалуйста!

– О, это нетрудно! Вам достаточно вспомнить, что на днях ограблен ювелирный магазин Федорова. Мы ищем вора. Поэтому берегитесь, если вы дадите ложные сведения. Рано или поздно все выяснится, и тогда мы предадим вас суду как сообщницу.

– Sancta Madonna!* – испугалась испанка. – Неужели вы думаете, что я скрою хоть что-нибудь? Ну хотите, я расскажу вам все по порядку?

– Я хотел вас сам просить об этом.

– Так слушайте! – начала красавица. – Я никогда не видала раньше сеньора Перлипини и познакомилась с ним вчера. Он расположился один в ложе закрытого театра, рядом с которой я сидела. Когда он заговорил со мной, я ответила. Потом мы заняли кабинет, пригласили цыган, и он при всех предложил мне этот камень за то... чтобы поехала с ним прокатиться. Мы поехали на Стрелку. Там его ждала прехорошенькая яхточка с маленькой уютной каютой, похожей на гнездышко. Матросов было двое. В каюте быстро был накрыт стол, поданы вино и фрукты. Отчалив от берега, мы понеслись под парусами по взморью. В каю-

---

* Святая Мадонна! (исп.).

те было очень уютно, она словно нарочно создана для любви, и мы... мы провели в ней время до восьми часов утра...

– Не говорил ли он вам чего-нибудь особенного? Не рассказывал ли что-нибудь про себя? – перебил сыщик.

– Почти ничего, – ответила испанка. – На мои вопросы он отвечал, что имеет в Неаполе ювелирный магазин, каждый год путешествует, совмещая дело с отдыхом, и теперь приехал в Петербург по делам на целое лето.

– Он, вероятно, назначил вам свидание?

– Нет. Я сама вызвала его на это, но он отмалчивался и лишь под конец сказал, что кутит последний день и что с сегодняшнего дня возьмется серьезно за дело, потому видеться с ним мне будет невозможно.

– Не давал ли он вам свой адрес?

– Нет.

– Где же вы высадились?

– На маленькой пристани в Ораниенбауме. На прощание он сказал, что в память об этой ночи дарит мне свою яхточку.

– Он оставил ее вам?

– Нет. Он сказал, что я могу получить ее сегодня после обеда от лодочника. При мне он вызвал его и сказал, указывая на меня: «Я покатаюсь и оставлю эту яхту у тебя, а после обеда за ней заедет эта барыня, и ты передашь яхту ей». На берег скоро приехал автомобиль с шофером, и мы расстались. Уезжая, я видела, что яхта, на палубе которой стоял Перлипини, отчалила от берега. Вот все, что я знаю.

– Еще одна просьба, – проговорил сыщик, все время слушавший рассказ с большим вниманием.

– Пожалуйста.

– Позвольте мне унести с собою этот бриллиант.

Испанка, казалось, колебалась. Но сознание, что она имеет дело с полицией, наконец, взяло верх над жадностью.

VII

Получив камень и пообещав принести его через несколько дней, Фрейберг простился с испанкой и вышел на улицу. Пиляев с грустным лицом уже ждал его.

– Ну, что? – спросил король сыщиков.

– Провел! – с отчаянием махнул рукой тот.

– В чем дело?

– Опоздал. Вместе с двумя агентами мы стали звонить во все гаражи. Наконец, дошла очередь и до каменноостровского. Оказалось, что этот автомобиль взят там напрокат, но лицо, бравшее его, сдало десять минут назад.

– А шофер?

– За руль сел сам господин, бравший автомобиль.

– И ему дали?

– Да, потому что он оставлял в залог две тысячи рублей, которые и получил обратно, как только сдал автомобиль.

– Чертовски просто и умно! – воскликнул Фрейберг. – Запомнили ли они, по крайней мере, его лицо?

– Говорят... Да, впрочем, вы же сами видели его!

– Правда. Ну, если тут не удалось, так попытаемся в другом месте, — в раздражении произнес Фрейберг.

Он кликнул извозчика, и оба сыщика, сев в пролетку, приказали везти себя на вокзал.

Через полтора часа они уже вышли на дебаркадер ораниенбаумского вокзала и, не теряя времени, почти бегом, спустились к берегу моря.

– Если он только сдержит слово, то приведет свою яхту сюда, — сказал Фрейберг, выходя на берег.

– Вон там стоит какая-то яхточка с каютой, — пробурчал Пиляев, всматриваясь в берег. — Уж не его ли? В таком случае мы снова опоздали!

Со смутным предчувствием новой неудачи сыщики направились к одной из лодочных пристаней, недалеко от которой качалось на якоре изящное парусное судно.

На окрик Фрейберга из будки вышел сам лодочник.

– Чья это яхта? – обратился к нему сыщик.

– Барыни одной, — ответил лодочник. — Намедни они катались с барином, потом барыня уехала, а барин — снова в море.

– А когда он опять приехал?

– Давно уж. Один-то он не более двадцати минут катался. Причалил, велел отдать яхту после обеда барыне, да и ушел с матросами. Минут через двадцать опять заходил. Веселый такой. Велел передать барыне записочку и ушел.

– Ну, так вот что, мой милый, — произнес Фрейберг, показывая лодочнику свое удостоверение. — Мы из сыскного отделения. Дайка сюда это письмо.

Оторопевший лодочник бросился в свою каморку и быстро возвратился, неся в руке изящный конверт. «Синьорине Отеро» — стояла надпись. Вскрыв конверт, Фрейберг громко прочел:

«Милая синьорина! Только что узнал, что за мной следят два каких-то болвана. Вам ни к чему знать, зачем, но уверен, что они делают это, вероятно, по ошибке или слабоумию. Передайте, если они придут к вам, что я с удовольствием сам пошел бы к ним, если бы знал их, но разыскивать их у меня нет времени. Когда вы получите это письмо, я буду уже далеко от Петербурга, поэтому попросите господ, ищущих меня, не тратить зря времени, а оставить мне свои адреса, письмо же послать по адресу: Петербург, до востребования, И. Д. И. О. Т. У. До свидания. Вам преданный Перлипини».

– Вот так bestия! — воскликнул сыщик, опуская руку с письмом. — Нет, какова наглость! Ведь это письмо прямо по нашему адресу. Если сложить все буквы, то выйдет, что мы напишем письмо до востребования «идиоту». Он смеется над нами...

– Да, — произнес Пиляев. — Теперь он уже далеко отсюда. Его личная охрана организована, видимо, очень хорошо, а что касается «востребования», то, конечно, он и не подумает получать нашего письма.

– Само собой, – со злостью ответил Фрейберг, – но с первым вашим заключением я не согласен.

– То есть?

– Он никуда не уехал и не уедет из Петербурга. Он находится здесь и так или иначе попадет в мои руки!

– Вы готовитесь предпринять что-нибудь новое?

– Разумеется! – воскликнул сыщик. – Но второпях с этим негодяем не справишься.

VIII

Усевшись на берегу, Фрейберг погрузился в глубокую задумчивость. Просидев так около получаса, он встал и решительным шагом направился к вокзалу, чтобы вернуться в Петербург.

Вечером репортеры уголовной хроники получили от градоначальства для своих газет интересное сообщение.

А на следующее утро читатели газет узнали, что «полицией ведутся деятельные розыски по делу ограбления магазина Федорова. Полиции удалось напасть на верный след преступников, которые скрылись в провинцию, куда в настоящее время командированы лучшие агенты сыскальной полиции».

Затем шло описание подарка Отеро, история яхты и все подробности вчерашней ночи.

С этого дня газеты стали регулярно публиковать подробности следствия. Вскоре публику известили, что следы громилы найдены в городке Чугуеве, Харьковской губернии.

Что же касается Фрейберга, то он только и делал, что писал эти небылицы и отправлял их каждый день в градоначальство, чтобы они попали репортерам. Само следствие он временно прекратил и ограничился лишь тем, что установил над магазином Федорова самый строгий, тайный надзор, и даже, с согласия хозяина, поместил одного из сыщиков в сам магазин приказчиком.

Но это не дало никаких результатов.

Однажды, когда Пиляев сидел у себя в комнате, Фрейберг зашел к нему.

– Ну, что? – спросил Пиляев. – По лицу вижу, ты принес какую-то новость.

Сбросив легкое пальто, Фрейберг поздоровался с товарищем.

– Ты угадал, – ответил он, садясь на турецкий диван. – Есть новость.

– По федоровскому делу? – с живостью спросил агент.

– Не совсем, но касается его. Вчера вечером мне удалось, наконец, точно установить, кому ранее принадлежал бриллиант, подаренный испанке.

– Ну!

– Его в числе прочих драгоценностей похитили семь месяцев назад из магазина Блеттера...

Пиляев широко открыл глаза:

– Но... как удалось узнать это?!

– Очень просто, – небрежно ответил Фрейберг. – Этот камень чистой воды и большой величины, а на одной из его граней есть еле заметная трещина. Ювелиры прекрасно знают малейшие дефекты своего товара, и мне почему-то пришлось в голову обратиться сначала к тем из них, кто был хоть раз обворован за последние два года, то есть за то время, когда в Москве и Петербурге особенно участились грабежи и кражи именно в ювелирных магазинах. Таких магазинов, не считая федоровского, оказалось в Петербурге три. За два года в них похищено драгоценных камней на двести семьдесят четыре тысячи.

– И там признали камень? – спросил Пиляев.

– Да. Его признали именно в магазине Блеттера. По книгам продажная цена этого камня тысяча шестьсот рублей. Но самое важное то, что теперь я знаю: кражи у Блеттера и у Федорова совершило одно и то же лицо.

– Каким образом?

– При краже у Блеттера громила, как и у Федорова, отличился тем, что исковеркал массу золотых и серебряных изделий, не унеся их с собой. Он взял лишь камни и самые

ценные бриллиантовые, изумрудные и рубиновые вещицы.

– Черт возьми, вот это важно! – воскликнул Пиляев.

– Да, это открытие несколько облегчает нам работу: поймав громилу, мы получим в руки виновника не одного, а нескольких преступлений.

– О, если бы нам удалось выловить эту шайку! – воскликнул Пиляев.

– И ведь подумать только, негодяй целый вечер сидел чуть не рядом с нами в кабинете! – усмехнулся Фрейберг. – Простая, маленькая случайность – и он уже был бы в наших руках.

– Да, – согласился Пиляев. – Познакомься мы с цыганкой Шурой двумя часами раньше и пролюбезничай он в кабинете с Отеро часом больше, он уже сидел бы там, где ему по справедливости давно нужно было бы сидеть.

– Ну ничего... – пробормотал Фрейберг, – с завтрашнего дня я поставлю ему еще одну ловушку. Если он читает газеты – а в этом я не сомневаюсь – то он, вероятно, от души хохочет над нами. Ведь, судя по газетам, его ищут в Чугуеве, и он чувствует себя прекрасно и преспокойно в Петербурге.

– Что же вы хотите предпринять?

– Весь свой замысел я основываю на том, что негодяю необходимо возможно выгоднее реализовать то, что он награбил, – ответил Фрейберг. – Но пока я не скажу вам ничего. Возможно, что в этой попытке я снова потерплю неудачу, так по крайней мере нечего заранее праздновать победу.

IX

Дела бриллианщика Федорова, видимо, так сильно покачнулись из-за грабежа, что в торговом мире с каждым днем все настойчивее стали поговаривать о неминуемом близком банкротстве фирмы. Сам Федоров ходил мрачнее ночи, почти ни с кем не разговаривал и все время прово-

дил за торговыми книгами и в писании писем. Но вот, наконец, пробил его последний час.

Когда в один прекрасный день петербуржцы взяли утром в руки газеты, они прочли, что банкротство Федорова – факт уже совершившийся. Купеческий суд признал Федорова несостоятельным должником, и на оставшееся имущество была назначена ликвидационная комиссия.

Вскоре после этого почти во всех газетах появилось объявление о том, что магазин Федорова сдается в аренду, а товар продается с аукционного торга. По всем вопросам относительно аренды и товара рекомендовалось обращаться к одному из членов комиссии, который целый день находился в магазине.

Прошло еще несколько дней. За это время магазин посетили несколько местных и приезжих купцов, желавших поставить ювелирную торговлю на уже насиженном месте. Все они хотели занять именно это место а, если можно, купить и фирму.

Благодаря этому цена на магазин возростала, и ликвидационная комиссия решила сдать магазин и фирму с торгов.

В день распродажи в магазине собралось около десяти человек. Аукцион вещей был назначен на вторую половину дня, поэтому мелкая публика еще не явилась.

– Сдается магазин. Арендная цена в год – двенадцать тысяч! – объявил оценщик.

– С рублем, – крикнул молодой, прилично одетый купец.

– С двумя! – пробасил другой голос.

– Десять! – хладнокровно набавил седой, высокий купец в золотых очках.

– Двенадцать тысяч десять! – крикнул оценщик.

– Одиннадцать!

– Пятнадцать! – горячился молодой купец.

– Двадцать! – спокойно продолжал набавлять старик.

По мере того, как торг продолжался, страсти и азарт разгорались все больше. Через полчаса сумма дошла до тринадцати тысяч рублей. Надбавки делались все крупнее.

– Тринадцать тысяч пятьсот!
– И пятьдесят!
– Тринадцать шестьсот.
Скоро сумма перевалила за шестнадцать тысяч.
Семеро отстали, и теперь торговались только трое.
– Шестнадцать тысяч сто! — объявил оценщик.
– Чтобы замирить, семнадцать тысяч! – хладнокровно произнес старик.

– Черт! – пробурчал молодой купец, весь вспотевший от волнения. – И десять!

Третий пожал плечами и отошел в сторону.

– Прямо, можно сказать, из одного азарту лезут, – заговорили все разом. – Разве при таких платежах можно что-нибудь выручить. Это, выходит, двенадцать за помещение и пять за разоренную фирму!

– Восемнадцать! – Это опять старик.

– И десять! – свирепо рявкнул молодой.

– Двадцать тысяч, – почти равнодушно произнес старик.

Молодой купец, казалось, стал в тупик.

Но когда оценщик повторил цифру второй раз, он махнул рукой.

– И десять! Не уступлю! – упрямо крикнул он.

– Двадцать пять! – старик был непреклонен.

– Просто с ума сошел! – зашептали в толпе. – Набавляет по пяти тысяч.

Молодой купец зло сплюнул, побагровел и отвернулся.

– Двадцать пять первый раз! – начал считать аукционист. – Двадцать пять – второй раз!.. Двадцать пять – третий! – и стукнул молотком по столу.

Седой старик степенно подошел к столу и, достав объемистый бумажник, принялся отсчитывать деньги.

Х

– Пойдем-ка, дружище, прогуляемся, – предложил Фрейберг неделю спустя после аукциона, входя в комнату Пиляева.

– Куда? – удивился тот. – Посмотри, как скверно теперь в городе! Пыль, ремонт...

– Ну, это ничего. Я хочу доставить тебе маленькое, неожиданное удовольствие.

– В чем дело?

– Я же сказал «неожиданное»! Ты хочешь, чтобы я заранее разболтал тебе все? – усмехнулся сыщик.

– И правда! – рассмеялся Пиляев.

Вдвоем они вышли из квартиры и пошли по направлению к сыскному отделению.

– Мы идем в сыскное? – недоуменно спросил Пиляев.

– Да, мне нужно отдать кое-какие распоряжения. Кстати, не забыли ли вы захватить револьвер?

– Гм... он всегда при мне, но разве в нем будет сегодня надобность?

– По всей вероятности.

– Черт возьми, это начинает меня интриговать! – воскликнул Пиляев.

– Потерпите, – сказал, улыбаясь, Фрейберг.

Войдя в отделение, сыщики направились в кабинет начальника.

– Ну, что? – с интересом спросил тот, прекрасно зная, что Фрейберг не придет зря.

– Есть кое-какие новости, – ответил тот, пожимая протянутую руку.

– А именно?

– Позволю себе не говорить ни слова о них еще часик. Но теперь мне нужны люди. Дайте мне человек пять, сильных и ловких. Вас же, если можно, я попросил бы совершить с нами небольшую прогулку.

– Вы окончательно заинтересовали меня, – весело произнес начальник сыскного отделения. – Пойдемте! Вы уж, наверняка, преподнесете нам какой-нибудь сюрприз.

Сделав распоряжение о наряде, начальник оделся и, когда затребованные агенты, вооруженные револьверами, наконец, пришли, вся компания вышла на улицу.

Тут Фрейберг остановился и приказал всем окружить себя.

– Слушайте, господа, внимательно то, что я буду говорить, – начал он. – Мы идем в магазин Свергеева...

– Это который основался на месте Федорова? – спросил начальник.

– Да. Свергеев только вчера открыл его. Он же и скупил на аукционе почти все ювелирные вещи обанкротившегося Федорова.

– Уж не нашли ли вы громил бриллиантовых магазинов?! – воскликнул начальник.

– Все может быть! – ответил Фрейберг. – Но пока вернемся к делу. Я, Пиляев и господин начальник войдем в магазин втроем, якобы покупать броши, а вы, господа, будьте около окна и разглядывайте витрину. Да посматривайте на меня. Как только увидите, что я сделал какой-либо резкий жест или движение, врывайтесь в магазин.

Отдав это приказание, Фрейберг разделил отряд на две группы и направился к Гостиному двору.

XI

– Чем могу служить? – спросил старик Свергеев, степенно кланяясь из-за кассы вошедшим.

– Мне нужна хорошая брошь, тысячи на полторы, – ответил Фрейберг. – Только, знаете ли... на вкус кафешантанной певицы...

– Извольте-с, – поклонился хозяин.

Так как двое приказчиков в это время были заняты другими покупателями, он нагнулся сам над ящиками с драгоценностями.

Незаметно опустив руку в карман, сыщик вытащил из него длинный шелковый шнур.

– Вот-с, такая брошь будет очень хороша, – проговорил хозяин, показывая блестящую брошь в виде золотой мухи, осыпанной драгоценными камнями.

– Гм... игра камней неважная! – заметил сыщик, рассматривая вещь.

– Помилуйте-с, что вы! – даже обиделся старик.

Он поднял брошь на свет и стал медленно поворачивать ее во все стороны.

– Впрочем, если эта не нравится, я покажу другую!

И он снова нагнулся над ящиком.

В ту же секунду Фрейберг взмахнул рукой, и тонкая шелковая петля обвилась вокруг шеи старика.

– Приказчиков! – крикнул сыщик, затягивая петлю и вскакивая на прилавок.

В магазине поднялся невообразимый переполох.

Пиляев, начальник и пять сыщиков, вбежавших в магазин, кинулись на приказчиков.

Хлопнули два выстрела.

Полумертвая от страха публика металась из стороны в сторону, оглашая магазин криками и истерическим визгом.

Между тем у Фрейберга завязалась отчаянная борьба со Свергеевым.

Почувствовав на своей шее петлю, старик нечеловеческим усилием попытался порвать ее, но шелковый шнурок не поддавался. Тогда с быстротой молнии он выхватил нож, и Фрейбергу не избежать бы смертельного удара, если бы подскочивший в этот момент сыщик не выбил нож из рук негодея.

Задыхаясь, старик упал на пол и схватил Фрейберга за горло, надавив изо всей силы. Это заставило сыщика ослабить шнур, и оба, сцепившись, упали за стойку.

Между тем и остальные сыщики вели отчаянную борьбу с приказчиками. Выстрелы, стоны, проклятия...

– Помогите! – раздался вдруг голос Фрейберга.

Он оказался слабее старика, который, отбросив противника в сторону, кинулся к ящику и выхватил оттуда револьвер.

Но в ту же секунду два выстрела свалили его на пол.

Раненый двумя пулями в руку, старик выпустил оружие, и в тот же момент начальник сыскной полиции приставил к его груди револьвер.

В другом углу магазина борьба еще продолжалась. Один из приказчиков уже сдался, но другой отчаянно отстреливался, забившись в угол.

Один из агентов был убит наповал, другой получил легкое ранение в шею.

Схватив стул, Пилаев изо всей силы швырнул его в разбойника, и, воспользовавшись тем, что тот протянул руки, чтобы предотвратить удар, бросился на него и повалил на пол.

Схватка окончилась.

ХII

Подойдя к старику, Фрейберг ловким движением сорвал с него парик и бороду. Мнимый ювелир, лежавший почти без сознания, оказался довольно красивым брюнетом с гладко остриженной головой, бритыми усами и бородой.

– Ага! – победоносно воскликнул сыщик. – Давненько я ищу тебя. Итак, господа, имею честь представить: Андрей Раммер, но прозвищу «Черный Кот», два раза бежавший с каторги и четыре раза – из разных острогов.

– Черт возьми, да это действительно он! – воскликнул Пилаев. – Узнаю его по родинке ниже правого уха!

– А это – Фруска и Мотыга! – добавил начальник, снимая усы и парики с приказчиков. – Известные громилы! Но как вы поддели их на удочку?

– Очень просто! Банкротство Федорова было устроено только для виду, чтобы освободить магазин, – ответил зна-

менитый сыщик. – Я предположил, что негодяй не упустит случая занять это место, чтобы повыгоднее сбыть награбленное, рассчитывая в то же время, что вряд ли кому придет в голову делать обыск во вновь открытом шикарном магазине. Большие камни он за неделю вставлял в другие оправы, а прочие вещи были скуплены им на аукционе и не могли возбудить подозрения. Мне необходимо было дать ему время перенести все награбленное в магазин, иначе он был бы в наших руках много раньше.

– Да, но как могли вы заподозрить его раньше?

– Гм... чтобы убедиться в этом, достаточно было поставить на торгах одного агента, который торговался под видом молодого купца, набивая совершенно несуразную цену. Ведь все другие отстали очень быстро, и лишь никому не известный старик довел торги до двадцати пяти тысяч. И тут я, переодетый оценщиком, при платеже рассмотрел, что старик загримирован. Остальное вы сегодня видели сами, и поэтому мы лучше немедленно приступим к опечатыванию магазина. А этих господ отправьте пока в надежное место.

ЮРОДИВЫЙ ИВАШКА

Э то случилось два года тому назад. Город Вязьма покоился еще мирным сном, когда к подъезду монастырской гостиницы подъехала почтовая бричка, запряженная тройкой лошадей. Возница слез с козел и, устало разминая затекшие члены, подошел к парадной двери, в то время как кони, фыркая, переминались на месте, позвякивая бубенцами. Звон этих бубенцов и стук в дверь разбудили сторожа.

Вскоре за дверью послышалось громкое позевывание, шлепанье босых ног и щелканье замка. Дверь отворилась, и на пороге показался пожилой монах, приставленный сторожем к монастырским номерам.

– Есть ли, отец, свободная комната? – спросил голос из брички.

– Откуда Бог несет? – спросил в свою очередь монах.

– Молиться, батя, приехали из Можайска, – ответил голос.

– Аминь, – произнес сторож. – Пожалуйста, люди честные. Для благого дела всегда найдется место. Багаж, что ли, какой у вас?

– Есть, есть! Только ты уж не беспокойся, старина! Мы люди крепкие, не будем тебя беспокоить.

С этими словами из брички выскочили два человека, одетые в русские поддевки. При помощи возницы они развязали прикрепленную к задку большую корзину и втащили ее на лестницу. Затем с брички были вынесены еще две корзины поменьше, два тючка с подушками, ларец и прочая мелочь.

Дав на чай вознице, приезжие внесли вещи, по указанию сторожа, в довольно просторную светлую горницу и попросили подать себе самоварчик.

При свете зажженной висячей лампы сторож разглядел гостей. Один из них был коренастый мужчина невысокого роста, полный и широкоплечий. На вид ему было лет со-

рок, и каштановые волосы уже начинали сесть. Его можно было бы назвать красивым, если бы не странное, немного жесткое выражение глаз, хмуро смотревших из-под густых нависших бровей.

Другой оказался помоложе и, судя по тому, как обращался с ним старший, состоял, вероятно, у того на службе.

«Купец и приказчик», – подумал про себя сторож, отправляясь за самоваром.

Когда он возвратился к приезжим, то увидел, что одна маленькая и большая корзины уже открыты.

В большой корзине ему сразу бросился в глаза образ Христа Спасителя, лежавший поверх белья и разных свертков. Образ был небольшой, но в нарядной ризе, на которой ярко сверкало несколько драгоценных камней.

– Вот и вашему монастырю привезли подарочек, – произнес старший, указывая на образ.

– Спаси вас Христос! – ответил сторож, с удовольствием разглядывая икону. – Славная работа!

– Плохого не жертвуем, – самодовольно проговорил купец. – По-нашему, по-купеческому, выходит: что дешево – то гнило! А святому месту гнилой товар негоже подносить!

– Что и говорить, – согласился сторож, расставляя на столе чайный прибор. – А как вас записать прикажете?

– Егор Пафнутьевич Пустохвалов... Первой гильдии купец. А это, значит, будет мой приказчик, Никита Демьянович Власов. Хочешь, чтоб сейчас паспорта отдать?

– Что вы, Господь с вами! – запротестовал сторож. – Прописать можно и завтра. Я только ведь, чтоб в книгу записать, в случае, если кто спросит.

– Ну, делай как знаешь, – хладнокровно ответил купец. – Ранняя-то когда у вас начинается?

– В шесть, батюшка.

– Так уж сделай милость, разбуди нас.

– С удовольствием. Да только от звону вы и сами проснетесь.

И, поклонившись в пояс кушцу, сторож вышел из комнаты, сказав, что зайдет за самоваром утром.

Лишь только дверь за стариком затворилась, старший из приезжих живо вскочил с места и тихо произнес:

– Ну, Миша, до ранней обедни осталось всего каких-нибудь два с половиной часа. Давай-ка запремся, да разберем, что оставить и что взять с собой.

С этими словами он подошел к двери, осторожно открыл ее и, вынув ключ, торчавший снаружи, запер дверь изнутри и облегченно вздохнул. Затем вместе с тем, кого называл Мишей, он подошел к большой корзине и вынул из нее несколько вещей, лежавших сверху.

Докопавшись до какого-то большого, тщательно упакованного в клеенку предмета, занимавшего почти всю корзину, приезжие прекратили работу и снова закрыли корзину на замок.

Вынутые вещи были размещены в двух других корзинах, а образ и некоторые предметы из них расставлены в комнате.

– Ну, теперь готово! – произнес тот, которого звали Мишей. – Ты, Сергей, сегодня не особенно торопись. Мы ведь порядочно устали! Отдохнем как следует, а завтра после службы сделаем и остальное.

– Ладно! – отозвался старший.

Замкнув корзины, оба приятеля открыли дорожный погребец, и на столе появились жареные цыплята, ростбиф, масло, сыр, бутылка дорогого коньяка и две бутылки красного вина.

– Ну, можно и подкрепиться! Валяй, Мишка! – сказал старший, наливая коньяк в две объемистые серебряные стопки.

Путники стали закусывать, обильно сдабривая еду коньяком, а затем вином.

На славу подкрепившись, они тщательно убрали все остатки еды и, раздевшись, заснули, как убитые.

В половине шестого сторож постучал в их дверь. Но, видимо, путники спали очень крепко, так как ему пришлось стучать раз пять, прежде чем за дверью послышалось вор-

чание и сонные вздохи. Наконец дверь открылась, и сторож вошел в комнату, чтобы убрать самовар и чайную посуду.

Покряхтывая и позевывая, путники умылись, оделись и отправились в церковь.

Отстояв раннюю обедню, они прошли к игумену, у которого пробыли около получаса, и с ним вместе возвратились в отведенный им номер, где и передали игумену свой дар монастырю.

Польщенный подарком старик просидел с ними за чаем некоторое время, расспрашивая о торговых делах, и ушел, обещав навестить их на следующий день.

Когда игумен ушел и сторож убрал посуду, старший путник многозначительно взглянул на младшего. Видимо, сразу поняв значение взгляда, тот встал и открыл обе маленькие корзины. Нагнувшись над ними, оба стали вынимать из них свертки, сортируя их в две кучи.

Покончив с этим, они достали два ручных саквояжа, в которые уложили предметы из меньшей кучки. Остальные вещи были снова уложены в корзины, а наполненные саквояжи поставлены в платяной шкаф.

Все это заняло довольно много времени, и когда сторож постучал к ним снова, чтобы спросить, будут ли гости обедать, они только что окончили работу.

– Нет, голубчик, мы закусим тем, что у нас есть, – ответил старший.

– Как угодно-с, – произнес сторож, удаляясь.

Закрывшись на замок, путники снова достали коньяк, вино и холодную закуску и, прикончив то и другое, завалились спать.

К вечеру они сходили в церковь, отстояли до конца службы и потом пили чай в своей комнате.

– ...Господи! Вот так спят! – бурчал на следующее утро сторож, принимаясь чуть ли не в десятый раз стучать в дверь приезжим.

Из комнаты не доносилось ни единого звука.

– Ну и пусть поспят, – решил сторож, отходя от двери.

Однако перед обедом он снова постучался, и опять из комнаты не послышалось никакого ответа.

– Да что это? – удивился вслух сторож. – Ушли они, что ли? Как же я-то не заметил?

Ради любопытства он вышел во двор и спросил привратника, не уходили ли сегодня утром или ночью приезжие купцы.

– Нет, не видал! — ответил привратник.

– Гм... значит, спят! – решил сторож, успокаиваясь.

Но мало-помалу им начало овладевать беспокойство и, наконец, тщетно постучав еще несколько раз в дверь, он решил поставить в известность игумена.

Вскоре весь монастырь охватила тревога.

Несколько монахов вместе с игуменом подошли к двери и стали стучать в нее изо всех сил.

Гробовое молчание было ответом на их стук. И тогда звали монастырского слесаря.

Когда монахи вошли в комнату, ничего странного в ней не оказалось. Три запертые на замок корзины стояли на прежних местах. Хозяев в комнате не было.

– Гм... не ушли ли они вечером в город? – проговорил игумен. – Может, у них здесь родственники? Оставили их ночевать, а мы неведомо чего бьем тревогу. Смешно даже!

Монахи разошлись немного успокоенные. Однако приезжие не вернулись и в эту ночь. Посоветовавшись с несколькими монахами, игумен решил послать за полицией.

– Не пройдетесь ли вы с нами заодно, Карл Эдуардович? — обратился вяземский полицеймейстер к петербургскому сыщику Фрейбергу, недавно приехавшему по одному очень важному делу в Вязьму.

Разговор происходил в полицейском управлении, куда сыщик зашел для наведения некоторых справок.

– Отчего же, с удовольствием, – ответил сыщик.

Вместе с приставом, околоточным и несколькими городскими они направились в монастырскую гостиницу.

Номер, занимаемый приезжими, снова был отперт, и в сопровождении игумена и монахов полиция вошла в комнату.

– Боюсь, как бы с приезжими не случилось какого-нибудь несчастья, – сокрушался игумен, рассказывая то, что знал.

Затем позвали сторожа и заставили его рассказать про гостей.

– Странно, — пробормотал Фрейберг. – Странно то, что они все время держали комнату на запоре и даже отказывались от обеда...

Он подошел к корзинам и стал пробовать их на вес, приподнимая за один край.

– Очень велика, – шептал он. – Зачем, спрашивается, людям, едущим на богомолье, брать с собой столько вещей...

С этими словами сыщик нагнулся к большой корзине и принялся усиленно обнюхивать ее, словно собака-ищейка.

И вдруг глаза его сверкнули, а на губах мелькнула странная улыбка.

– Распакуйте-ка эту корзину, – обратился он к городовым.

– Но... – начал было полицеймейстер.

Фрейберг раздраженно перебил его:

– Поверьте, я сам не потребовал бы незаконного! Но... я настаиваю, чтобы замки были немедленно взломаны. Я отвечаю за свои требования!

Предчувствие какого-то несчастья овладело всеми.

В один миг корзина была развязана, замок взломан. Сыщик открыл корзину и знаком пригласил всех приблизиться к ней.

– Дайте мне нож! — приказал он.

Клеенка тюка, занимавшего почти всю корзину, была распорота, и Фрейберг быстро отвернул края.

Крик удивления и ужаса вырвался из уст присутствовавших.

– Боже мой! Да что же это?! — воскликнул игумен.

– Ни более ни менее, как человеческое тело, разрезанное на куски, – хладнокровно ответил Фрейберг. – И

притом, для предохранения от преждевременного разложения, оно прекрасно просолено.

Действительно, страшные кровавые куски были почти совершенно засыпаны мелкой каменной солью.

Поднялась тревога.

Вызвали следственные власти, ворота монастыря и все двери монастырской гостиницы наглухо заперли. Началось следствие.

Были вскрыты и две другие корзины. В них нашли немного белья, провизии и запас соли. Часть белья – полотняное, мужское – оказалось без меток.

Ничего, что могло хотя бы немного пролить свет на преступление, не нашли. Осмотр монастырского помещения и двора также ничего нового не дал.

Вскоре корзины унесли в участок, где к ним приставили караул, и полицеймейстер заперся с Фрейбергом в своем кабинете.

– Довольно загадочное преступление, – сказал он, усаживаясь за стол.

– Да, тем более, если принять во внимание то обстоятельство, что головы у трупа нет, – согласился сыщик. – Негодяи успели спрятать ее раньше...

– А главное, – продолжал полицеймейстер, – ко мне за последнюю неделю не поступало ни одного заявления об убийстве с исчезновением трупа! Даже об исчезновении кого бы то ни было ни единой заявки.

– Ну, этому трупу не больше трех дней, – заметил сыщик.

– Взялись бы вы, Карл Эдуардович, за это дело! – попросил жалобно полицеймейстер. – Сами знаете, какие у нас тут, в провинции, сыщики...

– Попробую, поработаю, если только дело не затянется, – ответил Фрейберг.

Придя на монастырский двор, Фрейберг принялся за осмотр. Согнувшись в три погибели, он долго ходил по двору гостиницы, окруженному довольно высокой камен-

ной стеной. Сыщик был похож на ищейку, потерявшую внезапно след.

Вскоре на всем дворе и на стене не оставалось ни одного квадратного вершка, который не был бы исследован самым тщательным образом. Время от времени сыщик многозначительно поднимал брови и одобрительно кивал головой.

Закончив осмотр, он удалился к себе на квартиру, и часа через два никто не узнал бы в вышедшем из нее крестьянине знаменитого сыщика – парик и грим совершенно изменили его лицо.

В таком виде он пришел в самую большую читальню города и, попросив газеты, углубился в чтение, беспрестанно требуя другие номера.

– Ищешь что-нибудь? – удивился библиотекарь.

– Ищу, батюшка, ищу, – ответил сыщик. – Сынишку хочу куда-нибудь определить, так уж сделай милость, дай мне все газетки питерские и московские за три-четыре дня.

Получив еще ворох газет, сыщик вновь погрузился в чтение.

Вдруг его взгляд упал на одну из заметок газеты «Парус» с заголовком «Таинственное исчезновение».

«Вот уже два дня, – прочел он, – как купец первой гильдии Егор Пафнутьевич Пустохвалов тщетно разыскивается московской полицией. Два дня тому назад Е. П. вышел из дому около одиннадцати часов утра, сказав жене, что ему нужно пойти в банк, чтобы взять сорок тысяч рублей для платежа по векселю, которому истек срок, причем Е. П. обещал прийти часа через два. Однако ни через два часа, ни к вечеру Е. П. не возвратился. Полагая, что муж зашел с приятелем в ресторан, жена не придавала этому особого значения. Но Е. П. не вернулся и к утру. Это обстоятельство обеспокоило жену, тем более, что Е. П. никогда не кутил более одного вечера. Были наведены по телефону справки во всех ресторанах, у приятелей, в банке и у купца, которому должен был платить Пустохвалов. Из банка ответили, что Пустохва-

лов действительно приходил накануне и взял сорок тысяч рублей, но купец, которому должен был платить Е. П., ответил, что не видал его и денег не получал. Такой же отрицательный ответ дан из всех ресторанов и от знакомых. Е. П. словно канул в воду. Не зная, что делать, жена Пустохвалова известила о пропаже мужа полицию. Но самые тщательные розыски до сих пор не дали никаких результатов».

Прочитав заметку, Фрейберг просмотрел еще несколько газет, но не найдя в них для себя ничего интересного, сдал их библиотекарю и вышел на улицу.

Сев на извозчика, он приказал везти себя на вокзал и первым же поездом выехал в Москву.

Анна Саввична Пустохвалова только села за завтрак, когда горничная доложила, что хозяйку спрашивает какой-то мужик. Встав из-за стола, Анна Саввична вышла в переднюю, приказав просить туда посетителя.

Это был не кто иной, как Фрейберг, одетый в костюм простого мужика, но из разряда зажиточных.

– Извините, матушка, что побеспокоил вас, – заговорил он с легким поклоном. – В этом костюме вы, конечно, не узнаете во мне сыщика, но я нарочно явился к вам в таком виде, чтобы не возбудить у людей подозрения. А чтобы вы не сомневались, кто я, извольте прочесть мое удостоверение.

Анна Саввична просмотрела бланк.

– По делу мужа, должно быть? – спросила она тонким голосом.

– Да, – ответил сыщик. – Нельзя ли нам уединиться куда-нибудь?

– Пойдемте, – пригласила жестом Анна Саввична.

Анна Саввична Пустохвалова выглядела еще совершенно молодой женщиной, несмотря на свои тридцать лет. Красивая, с правильными чертами лица, она производила

хорошее впечатление, а манера одеваться указывала на то, что эта женщина не лишена кокетства.

Пройдя с гостем в отдельную комнату, она тщательно притворила дверь и села на диван.

– Что я могу вам сказать? – заговорила она взволнованно. – То, что я показывала полиции, вероятно, вам уже известно по газете «Парус», а больше я ничего не могу добавить.

– О, я беспокою вас лишь несколькими посторонними вопросами, – поспешил заметить сыщик. – Скажите, пожалуйста, как велико состояние вашего мужа?

Пустохвалова пожала плечами.

– Точно не знаю, но, по-видимому, оно доходит тысяч до четырехсот чистогана.

– То есть, не считая торгового предприятия?

– Да. Это наличный капитал, который он получил с месяц тому назад от реализации сормовских акций.

– Так, так... Ну, а торговое предприятие?

– Магазин вместе с товаром, за уплатой счетов, можно было бы продать тысяч за двести двадцать. Он как-то сам говорил об этом, – ответила Пустохвалова.

– У него живы родители?

– О нет! Ведь ему самому уже под шестьдесят.

– А ваши дети?

– У нас только одна девочка семи лет.

– Скажите, пожалуйста, не подозреваете ли вы, что произошло убийство? – спросил сыщик.

– Все может быть! Я теряю голову, – прошептала Пустохвалова, бледнея.

– И вы не подозреваете никого из служащих?

– Решительно никого. В этот день все были на своих местах.

– А имелись ли у вашего мужа на теле какие-либо особые приметы в виде родимых пятен, рубцов, бородавок?..

Анна Саввична густо покраснела.

– Право, я не разглядывала мужа так подробно, – сказала она, опуская глаза.

– Благодарю вас, – поклонился Фрейберг. – Теперь будьте любезны привести сюда вашу дочь. Показания ребенка иногда бывают очень ценны.

– Сию минуту, – ответила Пустохвалова, вставая с места.

Через несколько минут она возвратилась, ведя за собою девочку с умненьким лицом и лучистыми карими глазами.

– Вот, Верочка, этот дядя будет тебя спрашивать, а ты ему отвечай, – сказала мать, подводя дочь к сыщику.

– Хорошо, мама, – весело отозвалась девочка.

И, обернувшись к сыщику, она спросила:

– А про что ты будешь спрашивать меня, дядя?

– Про твоего папу, – ответил Фрейберг, глядя девочку по голове.

– Вот это хорошо! – воскликнула девочка. – Про него я скажу все-все.

– А ты его очень любишь?

– Очень.

– Где же твой папа?

– Уехал по делу и, когда вернется, привезет мне большую куклу.

– Кто же к вам приходил после папы?

– Дядя Федор Иванович.

– Кто это, Федор Иванович? – повернулся сыщик, обращаясь к госпоже Пустохваловой.

– Это... это артист здешней оперы, – ответила Анна Саввична, слегка смутившись.

– Простите! – извинился сыщик.

И, обратившись к Верочке, он снова стал задавать ей вопросы.

– Ну, а еще кто к вам приходил?

– Больше никого, – ответила девочка. – Вот Ивашка заходил раза два...

– Это какой-то юродивый, – пояснила Анна Саввична. – Муж мой любит его, и он уже несколько лет изредка заходит к нам.

– А где он живет?

– Право, не знаю. Должно быть, как и все юродивые, он не имеет определенного места жительства.

– Ну, а скажи мне, деточка, ты не видела у папы где-нибудь родимого пятнышка? – обратился сыщик снова к девочке.

– Видела! – воскликнула радостно девочка. – У него вот тут пятнышко. – Она указала выше кисти правой руки. – И вот тут, на груди. Оно видно у него всегда.

Девочка замолчала, но вдруг ее глазенки упрямо сверкнули.

– Ивашка, говорят, святой человек, а я его все-таки не люблю, – произнесла она неожиданно.

– Что ты говоришь глупости! – вспыхнула Анна Саввична. – Ведь это грех, Верочка!

– Да, а почему папа не любит его тоже? – упрямо возразил ребенок.

– Вы, кажется, говорили, что ваш муж любит его? – Фрейберг вновь повернулся к женщине.

– Ах, разве ребенок понимает в этом что-нибудь? Вы бы еще начали расспрашивать трехлетнего! Конечно, Ивашка очень грязен, и муж приказывает не пускать его в дом, но во дворе он любил позабавиться с ним и всегда щедро награждал его деньгами.

– И Пелагее... – начала было девочка.

Но мать строго перебила ее.

– Никогда, Верочка, не говори про то, чего не понимаешь. Фрейберг медленно поднялся с места.

– Благодарю вас, – произнес он, откланиваясь. – Признаюсь, я не много выиграл от того, что зашел к вам! Впрочем, я ошибся! Показания девочки относительно примет вашего мужа для меня очень ценны.

Анна Саввична порывисто схватила сыщика за руку:

– Слушайте... Вы что-то знаете, но не говорите мне! Ради детей ваших и всего святого, если с мужем случилось что-нибудь, скажите мне!

– Чтобы говорить это, мне необходимо самому быть уверенным, – ответил сыщик.

– Но может быть, есть какое-нибудь подозрение? – умоляющим голосом спросила Пустохвалова.

– Нет, пока я ничего не могу сказать вам интересного, – решительным тоном возразил Фрейберг.

Обещав зайти или уведомить, как только будет какая-либо новость, Фрейберг простился с Пустохваловой и вышел, оставив хозяйку дома в подавленном состоянии.

– Чего встал здесь?! Аль не видишь, что здесь не торгуют! – крикнул старый дворник дома Пустохвалова, выходя из ворот и с неудовольствием глядя на продавца апельсинов, ставшего со своим лотком около тротуара.

– Ну и жисть! – вздохнул продавец, вихрастый мужик с волосами и бородой самого неопределенного цвета. – Отседа иди, отседа иди! Нет тебе, кажись, и места на белом свете!

– А вот ты у меня поговори! – погрозил дворник. – Вам только позволь, так вы живо весь тротуар займете! Города вам мало?

– Коли не гоняли бы отовсюду, так хватило бы места! – пробурчал продавец, делая вид, что хочет уходить. – Честной торговлей и тою нынче запрещают заниматься! Вот жуликам теперь житье! Переночует в участке, да и опять стреляй на воле!

– Ладно, ладно, – немного смягчился дворник. – Все норовите задарма, а нет, чтобы с почтением к человеку обратиться!

– Да я, дяденька, ничего, я завсегда уважу, – залезбил мужик и тут же, заметив подошедшего покупателя, весело заговорил:

– Пожалуйте-с, господин! Первый сорт! Прямо с их африканской земли, можно сказать!

– Почем? – спросил покупатель.

– Десяточек прикажете? Семь гривен! Лучших нигде не найдете!

– Дорого! Шесть гривен хочешь?

– Себе шесть гривен стоит!

– Ну и черт с тобой! Ешь сам! – выругался господин, отходя от лотка.

– Пожалте-пожалте! – закричал продавец.

Господин купил десяток, заплатил деньги и ушел.

– Вот, дяденька. Место-то здесь больно хорошее, – заискивающе произнес мужик. – Бери, сделай милость, парочку апельсинчиков каждый день, а ради первого знакомства и в трактирчик пойти можно!

Если апельсиновая дань и не особенно подействовала на сердитого дворника, то трактир бесповоротно решил участь торговца апельсинами.

– Ну, торгуй, торгуй! – согласился дворник. – Как расторгуешься, так вечером и посидим в трактире. А сейчас самое торговое время, не след тебе отрываться от дела!

Конечно, дворник, говоря это, не просто желал добра торговцу. Во-первых, ему хотелось показать, что он великодушен и вовсе уж не так жаден до водки; во-вторых, он понимал, что, расторговавшись, разносчик будет иметь больше денег, а следовательно, можно рассчитывать и на более щедрое угощение. Условившись о часе, дворник ушел, а вихрастый мужик остался на месте, довольный заключенным условием.

Вечером, когда лоток уже совершенно освободился от апельсинов, новоиспеченные приятели вошли в трактир третьего разряда и заказали полбутылочки с закуской и чаю на двоих. Первая же рюмка окончательно сблизила новых знакомых, а когда полбутылка подошла к концу, дворник стал выказывать торговцу знаки самой искренней дружбы.

– Аль еще тарарахнуть? – усмехнулся вихрастый продавец.

– Отчего бы и не выпить! – облизнулся дворник.

И новая полбутылка появилась на столе.

– Беда! – вздохнул торговец апельсинами. – Что ни год, то жизнь труднее становится! Нет тебе ни места, ни правов; кто хочет, тот в шею и гонит!

– Это действительно! – сочувственно согласился дворник. – Нашему брату, служащему, тоже невтерпеж другой

раз бывает! Этого послушай – тот вдарит, того послушай – этот взыщет. И выходит так, будто каждый юродивый – и тот тебе начальник!

– Юродивый-то чего мешает? – удивился продавец.

– А то, что хозяин его в шею гнать велит, а хозяйка – к себе пущать!..

– Должно, с ним про милого дружка гадает? – ухмыльнулся продавец.

– Чего гадать, когда и без того есть! – язвительно ответил дворник.

Приятели чокнулись и выпили.

– Так завела, говоришь? – спросил торговец, пережевывая кусок ветчины.

– Давно! – махнул рукой дворник. – Ахтера подцапила. Как «сам» из дому, так ахтер в дом.

– В киятре ломает?

– Поет, говорят. Шлихер аль Плихер фамилия-то его, шут его знает! Вот приедет хозяин – все расскажу! Убей меня Бог! Пущай шлюха поганая не морочит голову степенному купцу!

– А юродивый-то?

– Ивашкой прозывают. Кто говорит, что он юродивый, а кто – что отшельник, а по-моему – просто жулик. Морочит людям головы, да и все...

– Видный из себя? – заинтересовался продавец.

– Не очень. Жиру-то у него нет, так весь в жилку пошел. Должно здоровый. Росту невысокого, бороденка русая, жиденькая и волосы до плеч... На вид более тридцати пяти лет не будет...

– Здеся и живет?

– Кто его знает? Про себя ничего не рассказывает, а когда почнешь спрашивать, так понесет что-то про Афоны да Иерусалимы, да про то, что жить нигде не нужно, что вся земля человеку заместо дома дана... Поди тут разбери! А ну их к лешему! Давай-ка лучше дернем!..

После второй полбутылки дворник действительно порядочно надергался. И когда он вышел на улицу с новоиспеченным приятелем, ноги его действовали совершенно обратно желанию. У ворот дома собутыльники долго лобызались и, наконец, расстались.

Дворник юркнул в ворота, а торговец зашагал по тротуару, направляясь к Тверской улице. Но лишь только он завернул за первый угол, как весь хмель исчез в нем, словно по мановению волшебного жезла. Выпрямившись во весь рост, вихрастый торговец кликнул извозчика и приказал везти себя на Тверской бульвар к градоначальству.

Подъехав к воротам, он расплатился с извозчиком, сказал тихо несколько слов постовым городовым, юркнул во двор и скоро вошел в помещение сыскного отделения. В отдельной комнате, которую он отпер своим ключом, торговец быстро снял с себя парик и бороду... Конечно, это был Карл Фрейберг.

Затем, надев обыкновенный костюм, он тщательно уложил все снятое с себя в саквояж и как ни в чем не бывало вышел из сыскного отделения в переулок. Через несколько минут он входил уже в свой номер в меблированных комнатах «Лувр и Мадрид» на Тверской. Засветив огонь, он разделся, умылся и, выпив перед сном полстакана портвейна от бессонницы, с наслаждением растянулся на мягкой удобной кровати, покрытой свежим бельем.

Было еще очень рано, когда Фрейберг вскочил на ноги. Вскипятив себе воду на спиртовке, он напился наскоро чаю и, уложив в саквояж нужные в этот день вещи, вышел из гостиницы. В сыском отделении он снова переоделся, приняв на этот раз вид старого купца средней руки, и, не спеша, направился в чайную, помещавшуюся на Мясницкой недалеко от дома Пустохвалова. Потребован чаю с лимоном, он завел разговор с буфетчиком, оказавшимся очень словоохотливым человеком. Вздыхая о грехах, Фрейберг заговорил о необходимости замаливать их, а с этого перешел и на Ивашку.

– Говорят, святой жизни человек? – спросил он.

– Говорят, — отозвался буфетчик. — Только я его не видал. Сам хотел к нему сходить, да ведь до него не доберешься!

– Почему?

– Никто адреса не знает. Появится на день, и опять недели две али месяц о нем ни слуху ни духу.

Посидев немного в чайной, сыщик расплатился и вышел.

Два дня бродил он по городу, всюду расспрашивая о юродивом Ивашке, но везде терпел полную неудачу. Некоторые совершенно не знали о его существовании, другие слышали, но не видели, третьи хоть и видели, но не знали, где тот обретается.

Возвратясь вечером на второй день в свою комнату, сыщик потребовал себе афиши малой и большой оперы за всю последнюю неделю и стал внимательно просматривать фамилии участвующих артистов. Внимание его привлекла фамилия второго баритона – Ф. И. Шлейхеров.

– Он самый! – прошептал сыщик, складывая афиши. – Опера Зимина... * Прекрасно!

Записав фамилию артиста, Фрейберг спустился вниз и вызвал по телефону одного из агентов сысского отделения.

– Итак, Иван Степанович, я на несколько дней передаю вам Москву, – сказал Фрейберг, как только вызванный им сыщик вошел в его комнату.

– Мои обязанности? – коротко спросил тот.

– Следите хорошенько за домом Пустохваловых. Если можно, приглядитесь к его внутренней жизни, — объяснял Фрейберг. – В него изредка ходит какой-то юродивый по прозвищу Ивашка. Не спускайте с него глаз и во что бы то ни стало узнайте, где он живет. Этот человек может нам дать очень ценные сведения. Кроме того, следите и за артистом оперы Шлейхеровым. Конечно, вам придется взять себе парочку помощников.

---

* Частный оперный театр, созданный в Москве в 1904 г. театральным деятелем и меценатом С. И. Зиминим.

– Об этом не беспокойтесь...

– Ну, вот и все. Я вернусь, вероятно, дня через два-три.

Распорядившись еще относительно кое-каких мелочей, Фрейберг отпустил агента и, заявив прислуге, что уезжает на несколько дней, оставляя номер за собой, с саквояжем поехал на Брестский вокзал.

Через пять часов он был уже в Вязьме и направился прямо в полицейское управление.

Поздоровавшись с полицеймейстером, Фрейберг прошел вместе с ним и двумя городовыми в мертвецкую, где хранился разрезанный на куски труп, найденный в монастырской гостинице.

– Откройте! – приказал он сторожу.

Тот исполнил приказание, и вскоре перед сыщиком появилась груда кусков густо просоленного человеческого мяса, начавшего, несмотря на соль, издавать трупный запах.

– Родинка выше кисти правой руки и на груди! – произнес сыщик. – Хотя я и уверен, что это он, но лучше знать наверняка. Дайте мне кисть правой руки.

Пошарив в отвратительных кусках, сторож подал сыщику требуемое.

– Так и есть, – проговорил тот, разглядывая окровавленную руку, обрубленную немного ниже локтя. – А теперь соберите мне грудь.

Куски окровавленного мяса стали подбираться один к другому. Кое-как собрали всю грудь и отмыли водой запекшуюся кровь. Действительно, как и ожидал Фрейберг, в том месте, где обыкновенно бывает прорез рубахи, виднелось довольно большое родимое пятно.

– Да, теперь я могу сказать наверняка, что труп этот принадлежит Егору Пафнутьевичу Пустохвалову, пропавшему без вести в Москве шесть дней тому назад...

– Не может быть! – воскликнул полицеймейстер. – Пустохвалов значится у нас в числе прибывших в город.

– Совершенно верно. По этому паспорту прописан один из убийц купца, который похитил паспорт, взятый купцом с собою для получения денег из банка.

Окончив осмотр трупа, Фрейберг удалился в полицеймейстерский кабинет.

– Я хочу вкратце рассказать вам суть дела, – проговорил сыщик, усаживаясь на кресло.

Не торопясь, Фрейберг изложил весь ход своих поисков и добывания сведений. Когда он дошел до Ивашки, полицеймейстер с улыбкой перебил его:

– Этой дряни везде достаточно! Тунеядцы, но... дурят народ на вполне законном основании, и придаться к ним решительно нельзя. Вот хоть бы и у меня. Точь-в-точь такой же тип – по прозвищу Никон блаженный. По паспорту – запасной солдат. Пришел к нам лет восемь назад, вырыл себе в двух верстах от города, на перекрестке дорог около небольшой рощицы яму и поселился там. Либо в яме сидит, либо на перекрестке молится. В яме образов понаставил. Ну, и пошла слава, что отшельник святой появился.

– А какой он из себя? – перебил Фрейберг.

– Так, себе, не особенно видный – русая борода, длинные, конечно, волосы, невысокого роста...

– Ну, ну, продолжайте про него! – оживился сыщик. – Я очень люблю слушать про людей этого типа.

– Да... Ну, пошла про него слава! – снова заговорил полицеймейстер. – Народ глуп, на пенек в лесу и то молится, а тут живой человек, да еще с образами. Стали стекаться к нему. Кто деньжат, кто чаю, кто сахару, хлеба или яиц и прочее ташит. А тот соберет, бывало, все, пойдет в город да нищим и раздаст. Слава про него еще больше пошла. Видно, самореклама подействовала, а с этим вместе и достаток его увеличился. Сначала он вроде как в яме жил, потом с помощью крестьян землянку себе глубокую выстроил, а теперь, два года тому назад, то село, которому принадлежит это место, решило отдать две десятины земли, на которой выкопана землянка, в полную собственность отшельнику, так как узнали, что он «трудится».

– То есть как это «трудится»? – спросил сыщик.

– А попросту роет из своей землянки какие-то подземные коридоры. Человек он здоровый, делать нечего, ну он

и роет землю, как крот, делая это якобы как «подвиг», во славу Божию!

– И много нарыл?

– Порядочно. Вы сходите как-нибудь к нему, это интересно. Просторная землянка, масса образов с лампадами, кружка для сбора на бедных, самоварчик и все прочее. Он вам и свою «работу» покажет. Это он даже любит делать. Впрочем, извините, я совершенно отвлек вас от дела!

– О, это ничего! – ответил, улыбаясь, Фрейберг.

И, переждав минуту, он закончил свой рассказ.

– Что же вы предполагаете? – спросил полицеймейстер.

– Пока трудно сказать, но мне думается, что убийство произведено с целью ограбления. При покойном ведь было сорок с лишним тысяч рублей.

На следующий день утром, надев на себя потертый костюм мастерового и нахлобучив на голову картуз, Фрейберг вышел за город. День был праздничный, к тому же ясный, и многие из горожан пешком и на дорогах уже выезжали в поле, захватив с собою самовары и кульки с провизией.

Фрейберг шел не спеша, присаживаясь через каждые четверть часа и пропуская мимо себя пешеходов и едущих. Дойдя до перекрестка дорог, он остановился и огляделся.

Слева от дороги на площади не больше одной десятины раскинулась небольшая тенистая березовая роща. От дорог и запаханных полос ее отделяла широкая песчаная полоса, поросшая редкой низкорослой травой. В рощице виднелось несколько простых столиков, два из которых были уже заняты пришедшими на зелень компаниями.

Обойдя рощу, сыщик увидел и землянку отшельника, едва возвышавшуюся в виде продолговатого холма, обнесенного ровиком для стока воды. Тут же был и сам отшельник Никон.

Босой, в сильно поношенной рясе, он сидел на земле и, видимо, ждал, пока закипит стоявший тут же самовар.

Сыщик подошел и снял картуз.

– Со святым праздником! – произнес он.

– И тебя тоже! Благословенно будет имя Божие! – отозвался отшельник.

– А что, отец, нельзя ли у тебя чайку напиться? – спросил сыщик.

– Отчего нельзя! Обедня уж отошла. Хочешь – со мною попьешь.

– Ладно, – согласился сыщик.

Он сел рядом с отшельником и с наслаждением глубоко вздохнул полной грудью.

– Хорошо у тебя здесь! – произнес он завистливо.

– Ништо, – хладнокровно ответил Никон.

Они замолчали и стали ждать, пока поспеет самовар.

Наконец самовар поспел, и отшельник пригласил Фрейберга в землянку.

Внимательно оглядывая все вокруг себя, сыщик стал спускаться вниз.

Землянка состояла из передней комнатки и жилого помещения. Передняя имела три двери: наружную, внутреннюю и боковую. Жилое помещение было очень просторно и освещалось целым десятком лампад. Задняя стена вся целиком была занята киотом, посреди которого, в отдельной раме, красовался прекрасный образ Спасителя, а по бокам – всевозможные лики святых. Часть стены, прилегавшей к киоту, была покрыта картинами из Ветхого Завета. У правой стены на длинном ящике помещалась твердая соломенная постель, а у левой стоял небольшой некрашенный стол и три табуретки. Маленькая полка с расставленной на ней затейливой посудой довершали обстановку.

Бедность землянки скрашивалась великолепным киотом, блестящим кое-где золотом и серебром и эффектно освещавшимся десятком спускавшихся с потолка причудливых лампад.

Заварив чай, отшельник громко помолился, причем Фрейберг заметил, что слова молитв произносились неправильно, а из нескольких составлялась одна, совершенно непонятная.

Попивая чай, они разговорились.

– Все трудитесь, слышал я? – спросил между прочим сыщик.

– Господь заповедал трудиться во славу Его, – скромно ответил отшельник.

– Я слышал, длинную пещеру прорыли уже?

– Не особенно, обваливается часто песок-то...

– А взглянуть можно?

– Можно, батюшка, можно, – с видимым удовольствием ответил отшельник, вставая с табурета.

Вслед за ним сыщик прошел в переднюю комнату.

Отворив боковую дверь и засветив свечку, отшельник ввел сыщика в довольно высокую подземную галерею, уходящую наклонно вниз. Стены были не облицованы и состояли из песчаного фунта, а потолок поддерживался двумя полосами досок, лежавших на небольших поперечных балках, укрепленных на вертикальных столбах. Вообще, скрепы были очень примитивны, и галерея далеко не безопасна.

Осмотрев галерею с двумя поворотами, прорытую без всякого смысла (для одурачивания суеверного люда), сыщик возвратился в землянку. Теперь все его внимание приковал киот. Неотразимое любопытство тянуло к нему Фрейберга. Раза два он посматривал на часы, но время, как ему казалось, тянулось бесконечно медленно.

– Аль собираешься куда? – спросил отшельник.

– Да, пора и честь знать, – ответил сыщик. – А эти два пятиалтынных возьми, сделай милость, на бедных.

И он подал отшельнику деньги.

– Спаси тебя Христос, – вздохнул Никон. – Деньги-то ты в кружечку опусти!

– Ну-ну, – согласился Фрейберг.

Он опустил в кружку деньги и подошел к киоту:

– Ишь, какой образ! Знатно написан! – кивнул он на среднюю икону и пригнулся к ней, глядя на ее края.

Не было сомнения, что икона эта, высотой в половину человеческого роста, вставлена в киот совершенно отдельно. Щель между ними хотя и была еле заметна, но все же существовала. Но что еще более привлекло внимание сыщика, так это маленькая выпуклость внизу этой иконы, за-

клеенная золотой бумагой. Эта выпуклость походила на кнопку электрического звонка, нечаянно заклеенную обоями. Ужасно хотелось ему дотронуться пальцем до этого места, но чувство осторожности заставило на время отказаться от своего желания.

За спиной Фрейберга раздался звон. Осторожно обернувшись, он увидел, что отшельник стоит к нему боком и моет посуду.

Искушение было чересчур велико.

Нащупав в кармане браунинг, Фрейберг тихо пригнулся, словно рассматривал раму образа, и, протянув руку, надавил на интересовавшее его место.

Это преждевременное любопытство чуть не стоило сыщику жизни. Едва его палец нажал на кнопку, как большой образ быстро откинулся внутрь, словно дверь, образовав проход в темную подземную галерею.

В ту же секунду мысль, что он погиб, мелькнула с быстротой молнии в голове сыщика. Выхватив револьвер, он обернулся назад, но в то же мгновение выронил его, получив страшный удар в плечо.

Глаза отшельника, горевшие ненавистью, в упор глядели на него.

Преодолев нестерпимую боль в правом плече, сыщик нагнулся, чтобы поднять револьвер, но в этот момент две сильные руки стиснули его горло. Затем те же руки повернули его, словно перышко, и бросили в подземелье за образом.

Ткнувшись головой о землю, сыщик растерялся. Он выхватил свисток и пронзительно свистнул.

И словно в ответ на этот свист потайная дверь захлопнулась за ним и он слышал насмешливый голос:

– Иди, куда хотел..!

Полный мрак окутал Фрейберга. Вскочив на ноги, он инстинктивно прижался к потайной двери. Это было сделано как раз вовремя.

Вверху над ним что-то треснуло, и земляной потолок рухнул. Единственное, что осталось незасыпанным, была голова и шея сыщика, прижатые вплотную к двери и защищенные дверным косяком.

Но тяжесть земли была чересчур велика. У Фрейберга закружилась голова, и он потерял сознание...

– Ну, слава Богу, вы, наконец, пришли в себя! – услышал над собой Фрейберг, как только открыл глаза.

Оглянувшись, он увидел себя лежащим на постели в небольшой, светлой и чистой комнате. Склонясь над ним, стояли доктор в белом халате, вяземский полицеймейстер и несколько сыщиков. Увидав знакомые лица, Фрейберг улыбнулся.

– Счастливо отделались! – ласково сказал ему доктор. – Не только ни одного перелома, но даже ссадин нет. Только на плече огромный синяк, словно вас кто хватил камнем.

– Только не камнем, а кулаком! – проворчал сыщик. – Можно мне приподняться?

– Сколько угодно, – разрешил доктор. – Плечо забинтовано.

Разминая затекшие члены, сыщик поднялся и сел на кровати, спустив ноги.

– Глупо попался! – проворчал он. – Расскажите, по крайней мере, как я очутился среди вас.

– Очень просто, – ответил один из сыщиков. – Ведь мы с вами условились, что придем к землянке отшельника к двенадцати часам дня. Счастье ваше, что вы не попались ему в руки несколькими минутами раньше! Только мы успели подойти к землянке и расположиться около нее с самоваром, как услышали ваш свисток. Бросились в землянку – и застали в ней негодяя. Он стоял лицом к киоту, изрыгал проклятия и грозил кому-то кулаком. Едва он успел обернуться, как мы, все трое, бросились на него и в момент скрутили по рукам и ногам...

– О! Значит, он в наших руках? – обрадовался Фрейберг.

– Да, и находится здесь же, за стеной, скованный. Ну... потом мы заметили, что в одном месте на поверхности земля осела. Сообразив, в чем дело, мы стали рыть и скоро откопали вас.

– Чудесно! – воскликнул сыщик. – В таком случае, не медлите ни одной минуты. Тащите сюда негодяя!

– Но... достаточно ли вы сильны для работы? – усомнился доктор.

– О, да! – ответил Фрейберг, вставая на ноги. – Даже боль в плече и та почти утихла. Интересно, отчего я потерял сознание?

– От недостатка воздуха, – сказал доктор. – Но раз вы чувствуете себя хорошо, то я не вижу причин удерживать вас.

Услышав разрешение доктора, двое сыщиков вышли из комнаты и через минуту возвратились, введя закованного в кандалы отшельника.

– Здравствуй, Ивашка-юродивый! – насмешливо произнес Фрейберг, глядя на негодяя.

Тот молчал, бросая исподлобья на своих врагов полные ненависти взгляды.

– Кажется, теперь пришел мой черед посмеяться, – продолжал между тем знаменитый сыщик. – Так не будем уж больше прятаться друг от друга! Помни, что чистосердечное признание только облегчит твою участь. Говори, куда ты дел голову убитого Пустохвалова?

По лицу Ивашки пробежала легкая судорога. Но через секунду он овладел собой.

– Я почему знаю? Разве я убивал кого? – произнес он угрюмо.

– Ну, полно! А зачем же у тебя потайные ходы за образами?

– Известно зачем: от воров! – ответил негодяй.

– Может быть, ты и меня за вора принял? – усмехнулся Фрейберг.

– Конечно. Кто же, кроме разбойников, поступает так?

– Вот оно что? Ну, так позволь тебе передать поклон от Федьки-певца или, как его величают, Федора Ивановича Шлейхерова*.

---

* Очередная шутка автора: сходство с *Федором Ивановичем Шаляпиным*, выступавшим в опере Зимина, очевидно.

Ивашка вздрогнул всем телом, словно затравленный зверь, и трусливо произнес:

– А что мне ваш Федька?! И не знаю я никакого Федьки.

– Ну, так мы вас познакомим! – произнес сыщик. – Кстати, он говорит, что это ты надумал убить Пустохвалова и его подбил на это...

Ивашка побледнел:

– А, так он так! Ну нет, погоди! Надумал-то он, а меня позвал. Деньги-то мы, небось, пополам делили!

– Где же голова Пустохвалова? – перебил сыщик.

– Голова? Голову сам Шлейхеров за образом в подzemелье зарыл.

– А он говорил, что ты и рубил, ты и голову прятал, – подразнил Фрейберг.

Преступник яростно затряс цепями.

– Собака! – прохрипел он. – Да нешто Пустохвалов пошел бы куда-нибудь на мой зов? Он его у банка подждал. Как Пустохвалов вышел, он к нему: так и так, мол, мне надо открыть вам сию минуту тайну вашей жены. Тот поддался и поехал с ним в заранее снятый номер. Там уж и корзина, и топоры, и соль были приготовлены, а я под кроватью лежал. Когда они входили, их никто не видал.

– Но ведь ты хватил его первый? – наудачу ввернул Фрейберг.

Разбойник поднял глаза.

– Уже знаешь! Ну да, первый. Он и не пикнул. Ради этого заранее во весь пол хорошую клеенку постелили, чтобы следов не было. Потом мы его разрезали, в корзину, да на почтовых и ехали до Вязьмы. На железке в багажном корзину могли перевернуть, и кровь бы потекла.

– Что же вы не бросили корзину по дороге?

– Нельзя. Ямщиков боялись, а если бы я ее к себе в землянку понес, нас кто-нибудь мог бы заметить.

Ивашка прекратил рассказ и разразился потоком ругани против своего, как он думал, предателя.

– Уведите этого мерзавца, – проговорил Фрейберг. – Он мне больше не нужен.

Анна Саввична Пустохвалова выронила из рук газету и, поблуднев как полотно, откинулась на спинку кресла. В таком положении она пробыла минут пять. Но вот, наконец, она встала, провела машинально рукой по волосам и, шатаясь, подошла к письменному столу. Оторвав от чистого листа клочок бумаги, она быстро взглянула на часы и, увидав, что стрелка стоит на одиннадцати, написала:

«Неприменно приходи в два часа. Необходимо. Пройди прямо в будуар. Дома кроме меня никого не будет».

Затем она вложила записку в конверт, вышла на улицу и, позвав посыльного, приказала отнести письмо по адресу.

Конечно, она не видела, как к посыльному, лишь только он завернул за угол, подошел какой-то человек...

Дома она долго сидела в задумчивости, не взглянув даже на Верочку, пришедшую сообщить ей какую-то свою детскую радость.

– Иди, деточка, гуляй! – проговорила рассеянно Анна Саввична. – Да скажи няне, чтобы обед непременно подала к часу.

После обеда, отправив няньку вместе с Верочкой гулять и отослав кухарку и повара с какими-то поручениями в разные концы города, Пустохвалова села у окна ждать гостя.

Без пяти минут два раздался звонок.

Подбежав к двери, она повернула ключ и впустила красивого молодого человека с бритым лицом.

– Скорее в будуар. Да затвори дверь! Я сейчас! – шепнула она, исчезая, чтобы проверить, заперта ли везде на замки квартира.

– В чем дело? – тревожно спросил молодой человек, когда хозяйка, наконец, вошла в будуар.

– Мы погибли! – воскликнула она. – Ты читал газеты?

– Нет. А что?

– Вот заметка...

Она взяла газету и, отыскав нужную заметку, прочла:

«К исчезновению Е. П. Пустохвалова

На днях полицией арестован в Вязьме человек, известный в Москве под именем Ивашки-юродивого, а в Вязьме под именем отшельника Никона. Его арест связывают с исчезновением Е. П. Пустохвалова. Говорят, от него удалось добыть какие-то ценные показания».

Гость побледнел.

– Ты думаешь, Ивашка выдаст? – спросил он тревожно.

– А что же значат по-твоему слова «ценные показания»? – с отчаянием в голосе спросила Анна Саввична.

И вдруг, закрыв лицо руками, она упала в кресло.

– Боже мой, Боже мой! – зарыдала она. – Это все ты, все ты! Разве мне пришлось бы в голову пойти на убийство?

Трусость сделала мужчину гаденьким.

– Неправда, – отнекивался он. – Ты первая сказала, что он нам мешает. Ты указала на Ивашку.

– Ивашка намекал мне, а я тебе только сказала про это! Я не подговаривала тебя! – продолжала рыдать Пустохвалова.

Они долго еще осыпали друг друга градом упреков и вдруг вскочили на ноги, застыв неподвижно, с выражением ужаса на побледневших лицах.

Половица, приподнявшись, с грохотом откинулась в сторону, и из-под пола с револьверами в руках вскочили в комнату четыре человека.

– Именем закона вы арестованы! – произнес Фрейберг ледяным тоном.

Двое агентов подошли к арестантам и, не встретив никакого сопротивления с их стороны, надели на них наручники.

– Мы слышали все, – снова заговорил король сыщиков, обращаясь к арестованным. – Ваш Ивашка уже давно сидит в кандалах, а при раскопках его отшельнического жилья нам удалось найти не только голову господина Пустохвалова, но и следы еще восьми преступлений – еще три отрезанные головы и награбленные вещи.

И, обернувшись к агентам, Фрейберг добавил:
– Ведите их. Суд разберет лучше нас степень виновности каждого из этих трех субъектов.

СТРАШНАЯ ТЕЛЯТИНА или ТАЙНА ПОДПОЛЬЯ

Э то было в 189* году. Стоял светлый, морозный день, и весь Петербург высыпал на улицу, пользуясь прекрасной погодой, которой так скудна бывает столица. Множество экипажей носились взад и вперед по Невскому и по Большой Морской, встречаясь и обгоняя друг друга, словно расшалившиеся дети.

На Каменноостровском проспекте было тоже небывалое оживление. Эта улица, широкая и длинная, словно специально приспособлена к катанию, и поэтому по ней, как и по Невскому, летели сани за санями. Чистокровные рысачи, почуяв здесь простор, неслись во всю прыть, широко раздувая ноздри и обдавая прохожих мелкой снежной пылью, переливавшейся на солнце, словно дождь крошечных бриллиантов..

Во дворе ресторана Эрнеста* уже стояли несколько упряжек.

Серый рысак круто осадил около ворот ресторана.

– Прикажете въезжать? – спросил кучер, оборачиваясь к двум седокам.

– Зайдем сюда, что ли, пообедать? – произнес один из них вопросительно.

– Стоит ли? – ответил другой. – Давай-ка махнем лучше в город, Карл!

– Но куда?

– Да хоть бы к Леграну. У него намного веселее и подают хорошо.

– Ну, валяй! – согласился первый.

---

* Известный в 1900-х гг. петербургский ресторан предпринимателя Э. Игеля.

– Жарь к Леграну! * – приказал второй седок.

Кучер шевельнул вожжами, и рысак, вздрогнув, понесся по брусчатой улице.

– Ну, как твое последнее дело, Карл? – спросил младший.

– Полная удача! И премия хорошая. На мою долю как главного виновника раскрытия преступления досталось восемь тысяч.

– Недаром же тебя называют королем русских сыщиков, – с оттенком зависти проговорил молодой. – Куда ни повернись, как где какое важное преступление, без Карла Фрейберга не обойтись... Положительно, ты бог в своем деле!

– Ну, положим, это преувеличение, хотя, сознаюсь, счастье редко отворачивается от меня. Однако и ты как мой ближайший помощник успел уже за короткое время составить себе имя. Валентина Пиляева начинают ценить...

Обменявшись обоюдными любезностями, сыщики замолкли. Между тем серый рысак, перебежав через мост, сделал несколько поворотов и остановился у подъезда модного ресторана «Легран» на Мойке. Зимний день уже окончился, и в ресторане зажгли огни.

Прятели отправили кучера в чайную, а сами зашли в ресторан и заняли место за одним из столиков в общем зале.

Взяв в руки карточку, Фрейберг углубился в выбор обеда. Солидный лакей-татарин, стоя за спиной, время от времени подсказывал ему блюда.

– А что у вас сегодня лучше всего? – спросил наконец Фрейберг.

---

* Знаменитый ресторан Р. Леграна на Б. Морской открылся в Петербурге в 1830-х гг., с 1850-х гг. до закрытия в 1880-х гг. принадлежал ресторатору Дюссо. На наб. Мойки в описываемое время находился прославленный и любимый литераторами ресторан «Донон» – намек прозрачен, и в связи с фабулой рассказа остается только гадать, чем этот ресторан так не угодил автору.

– Сегодня хорошо вышел суп черепаховый, потом есть хорошая, свежая и крупная форель... А самое лучшее – это телятина. Такой телятины во всем Петербурге не сыщешь. Мы и то достаем ее не более одного раза в неделю.

– Что же это за редкостная такая телятина? – улыбнулся сыщик.

– А вы попробуйте! – осклабился татарин. – Телятина особенная. Только два месяца назад хозяин разыскал ее.

– Ну, что ж, попробуем, – согласился сыщик. – Тащи нам суп, и форель, и телятину. А перед тем поставь хорошей закуски и дай водки.

– Слушаю-с! – поклонился лакей и, эластично повернувшись, неслышно скрылся.

Закусив и выпив водки, приятели принялись за суп.

– Ничего особенного, – пожал плечами Фрейберг.

Форель была хороша, но когда татарин подал телятину, сыщики пришли прямо-таки в восторг. Мясо оказалось действительно необыкновенным. Почти совершенно белое, как курятина, оно отличалось особой нежностью и сладким вкусом. А мастерски поджаренное первоклассным поваром и приправленное тонким соусом, оно казалось еще лучше.

– Вот это я понимаю! – произнес Фрейберг, проглатывая последний кусок. – Ради этакой телятины можно каждый день ходить сюда! Эй, человек!

– Чего изволите-с? – спросил лакей, подсакивая к столу.

– Часто у вас такая телятина?

– Никак нет-с! Больше раза в неделю не бывает.

– А по каким дням?

– Неизвестно-с. Когда в пятницу принесут, когда в среду. Одним словом, по-разному.

– А где ее берет хозяин?

– Не знаю-с! Прикажете узнать?

– Да, пожалуйста! – попросил сыщик. – Передай ему вот эту карточку и спроси.

С этими словами Фрейберг вынул из кармана визитку, тщательно запечатал ее в маленький конверт и подал татарину.

Через несколько минут к столику подошел сам хозяин, обрусевший француз.

– Не правда ли, прекрасная телятина? – произнес он с низким поклоном.

– Чудесная! – совершенно искренне воскликнул сыщик.
– Надеюсь, вы скажете мне, где ее достаете. Иначе... ведь вы знаете мою профессию, я и сам узнаю!

– О, зачем же! Разве я скрою от вас!

Он оперся ладонями о стол.

– Эту телятину изредка приносит мне одна женщина по имени Авдотья Серова. Она отпаивает телят каким-то особым способом, благодаря чему мясо и приобретает такую нежность и вкус.

– А где она живет?

– В Старой деревне, на самом краю. Дом Поздняковой.

– Большое спасибо! – поблагодарил сыщик. – А дорого ли вы платите за фунт?

– О, очень дорого! – вздохнул хозяин. – Фунт мне обходится в пятьдесят копеек.

– Ого! – удивился Фрейберг.

– Да, – поддакнул хозяин. – Но, признаюсь, если бы она спросила с меня и шестьдесят, я отдал бы с удовольствием, лишь бы быть ее единственным покупателем. Вам приказете еще чем-нибудь служить?

– Нет, благодарю вас. Относительно вина и сладкого мы уже распорядились.

Хозяин откланялся и ушел.

Поев сладкого и выпив бутылку вина, приятели вышли из ресторана и, прокатившись еще немного, расстались.

Прошло дня четыре.

В этот день, оставшись недовольным жестким мясом, Фрейберг отругал на чем свет стоит свою кухарку.

И как-то невольно ему припомнилась роскошная телятина, которую он недавно ел у Леграна.

– Вот возьму и поеду за телятиной! – проворчал он.

А так как в этот день он был совершенно свободен, то и решил не откладывать дела в долгий ящик. Надев шубу, он вышел из дому и приказал извозчику везти себя в Старую деревню.

Лошадь попалась хорошая, и долгая прогулка освежила его.

Прибыв на место, Фрейберг стал искать дом Поздняковой. Но безрезультатно он исходил почти всю Старую деревню.

– Тьфу ты, черт! – выругался, наконец, сыщик. – Дома нельзя найти, будто он сквозь землю провалился!

– Да вы кого ищете, господин? – спросила проходившая мимо баба.

– Дом Поздняковой.

– Поздняковой? Не слыхала. Да вам кого нужно-то?

– Авдотью Серову, – ответил сыщик, выходя из себя.

– Вона-а! Ты бы так и говорил! Это что мясом торгует-то?

– Она, она! – обрадовался Фрейберг.

– Вон туда и иди, – показала баба. – Повернешь направо, дойди до края, тут ее дом и будет – угольный на правой руке.

Отыскать Авдотью по этим приметам оказалось делом нетрудным.

У нее была форменная мясная лавка. Когда Фрейберг вошел, в лавке был один только мальчишка лет двенадцати.

– Вам чего? – спросил он.

– Телятины, только самой лучшей.

– Сейчас мамку позову.

На его зов из задней комнаты вышла здоровенная баба с почти мужским, хмурым, будто чем-то недовольным лицом.

– Слушайте, я недавно натолкнулся в ресторане Леграна на чудную телятину, и мне сказали, что это вы постав-

ляете ее туда, – заговорил Фрейберг. – Нельзя ли у вас купить несколько фунтиков такой же?

Авдотья Серова молча посмотрела сначала на его лицо, потом почему-то на ноги и лениво, неприветливо ответила:

– Много нельзя... Вчера кололи, а то даром бы прошлись. Много ли вам?

– Фунтов десять бы взял.

– Десять не могу, ресторан обидится. Фунтов пять или шесть можно уделить. Только телятина моя дорогая. Корм дорого стоит. Меньше как по шестьдесят копеек не отдам.

– Да уж заплачу, только дай, – согласился сыщик.

– Там подождите, сейчас принесу с погреба, – буркнула хозяйка, выходя в заднюю дверь.

В погребе она прокопошилась долго, но вернулась с двумя кусками мякоти, которые и кинула на весы.

– Пять и три восьмых. По шесть гривен – три рубля двадцать четыре копейки.

Фрейберг взял мясо, заплатил деньги и сказал, что будет время от времени заезжать за телятиной.

В этот день он был очень доволен обедом.

Развалившись после обеда на кушетке, сыщик взял газету и от нечего делать стал просматривать хронику, а затем объявления.

В хронике не было ничего особенного, в объявлениях тоже: «Кухарка ищет место», «Нужен кучер», «Пропал без вести двенадцатилетний мальчик», «Продается мебель», «Пропала собака» и т. п.

– Ерунда, – зевнул сыщик, отбрасывая газету. И, повернувшись на бок, заснул самым безмятежным сном...

Прошло дней шесть.

К вечеру Фрейберг ждал гостей и снова вспомнил про знаменитую телятину.

Окончив покупки в городе, он взял извозчика и поехал в Старую деревню.

На этот раз Авдотья Серова встретила его как старого знакомого.

– Опять за телятиной пожаловали? – спросила она, улыбаясь какой-то неприятной улыбкой.

– Да, – кивнул сыщик. – Только, если можно, дай на этот раз цельную заднюю ножку.

– Ох, кажется, ножки не осталось! – покачала головой женщина. – Уж возьмите, что есть.

Она удалилась и минут через пятнадцать возвратилась с тремя кусками мякоти.

– Все забрали, только вот это и осталось.

Делать было нечего.

В кусках оказалось восемь фунтов, и Фрейберг, заплатив деньги, поехал домой.

Вечером собрались гости.

Люди были все свои, из сыского отделения и полиции, поэтому и разговор вертелся больше вокруг уголовных преступлений.

– Нет, вы обратите внимание на то, что если начнет действовать какой-нибудь бандит, то непременно оставляет за собою след в виде целого ряда аналогичных преступлений! – заговорил между прочим сыщик Пиляев.

– Это всегда так бывает, – отозвался другой. – Вы заметили, что за последнее время, например, участились пропажи детей? Ну, словно их кто-нибудь нарочно систематически крадет!

– Да, да, – подтвердил Фрейберг. – Примечательно то, что пропадают дети не маленькие, исчезновение которых легко объяснить отсутствием присмотра и их незнанием дороги, а, наоборот, мальчики и девочки возрастом от восьми до двенадцати лет.

– Вот, вот, – поддакнул один из сыщиков. – Мне кажется, тут кроется уголовщина, хотя, если предположить преступление, то становится совершенно непонятным, кому и зачем нужны эти дети, раз не слышно ни о каких выкупах?

– Я лично вижу в этом бесспорное преступление, – перебил Фрейберг, – хотя и не знаю еще его цели. Во всяком

случае, я как-то на днях, заинтересовавшись этими систематическими пропажами, сделал подсчет...

– Ну, и что же вышло? – спросил Пиляев.

– За четыре последних месяца пропало без вести двадцать семь детей... – ответил Фрейберг.

– В каком возрасте?

– Один ребенок двух лет, четверо между тремя и пятью годами, один шести и двадцать один в возрасте между семью и тринадцатью годами.

– Больше девочек или мальчиков?

– А вот я сейчас посмотрю в своей записной книжке.

Фрейберг подошел к письменному столу и вынул из ящика записную книжку.

– Тут у меня все записано, – проговорил он. – Имена, фамилии и все приметы пропавших.

– А ну-ка, ну-ка...

Фрейберг развернул записную книжку и стал громко читать:

– Анна Карпенко, десяти лет, блондинка, полная, глаза синие. Александр Болевин, двенадцати лет, шатен, полный, глаза серые, родинка на правой щеке. Виктор Морозов, одиннадцати лет, шатен, очень полный, черные брови и глаза, причесывается с пробором. Евгения Веретина, девяти лет, полная шатенка, на правой лопатке родимое пятно, глаза карие. Осип Рымков, десяти лет, блондин с голубыми глазами, очень полный, высок не по летам. Вера Хлебова, одиннадцати лет, брюнетка, глаза черные, на лбу шрам, очень полная...

– Стойте! – воскликнул Пиляев. – Вы замечаете, что все пропавшие дети или просто полны, или очень полны?

– Гм... в самом деле! – проговорил, улыбаясь, Фрейберг. – Словно телят кто-то на убой выбира...

Он не договорил, запнувшись вдруг на полуслове, и лицо его побелело, как полотно.

– Что с вами? – тревожно спросил Пиляев, подсакивая к нему.

– Нет, нет... это пройдет! – прошептал знаменитый сыщик, проводя рукой по волосам.

– Да что с вами?

– Так... сделалось немного дурно... Вот что, голубчик. Сбегайте или лучше съездите за нашим доктором и за ветеринаром и привезите их немедленно сюда!

– Черт возьми, но на кой леший вам ветеринар?! – воскликнул Пиляев, не будучи в состоянии сдержать улыбки.

– Так... надо... Или нет... телефонируйте на городскую бойню, чтобы оттуда сейчас же прислали главного сортировщика мяса... – сбиваясь, заговорил Фрейберг...

– Нет, он, должно быть, рехнулся! – покрутил пальцем у виска один из сыщиков.

– Можно подумать, он хочет, чтобы его самого зарезали и разложили бы на сорта, – расхохотался Пиляев.

– Господа, не смейтесь! – Фрейберг поднял руку. – Дело гораздо важнее, нежели вы думаете, и я покорнейше прошу вас помочь мне и сделать то, что я прошу!

Он говорил это серьезно и озабоченно, и тон его голоса вдруг сразу подействовал на присутствующих.

Пошептавшись между собой, Пиляев и двое сыщиков взяли шапки, надели шубы и вышли из дома.

Через час с городской бойни приехал сортировщик мяса, явился Пиляев с доктором, а один из сыщиков – с ветеринаром.

В воздухе пахло какой-то необычайной тайной, и все с напряженным любопытством ждали, когда Фрейберг начнет говорить.

Но дело, к всеобщему удивлению, неожиданно приняло смешной оборот.

– Вот и хорошо, что здесь собрался медицинский персонал, – произнес Фрейберг. – А то ведь я не на шутку испугался, что мне самому и всем вам, господа, пришлось бы отведать собачьего мяса!

– Что за ерунда! – воскликнул кто-то.

– Дурит он нам голову! – подал голос другой.

– Нет, шутки в сторону, – произнес Фрейберг, успешный совершенно овладеть собою. – Дело заключается в

следующем. Несколько дней назад кое-кто сказал мне, что в одной здешней мясной лавке под видом телятины продают мясо щенят взрослых пород. А тут я вдруг вспомнил, что сегодня случайно сам брал телятину в этой самой лавке. Хотя я и установил за ней надзор, но ведь теперь зима, приготовленное мясо может лежать месяцами, и мне вдруг пришло на ум: а вдруг я купил сегодня вместо телятины – собачатины! Я брезглив до болезненности, и раз мне пришла в голову подобная мысль, я ни за какие коврижки не притронулся бы к ужину, пока меня не успокоили бы специалисты. А между тем я вовсе не хотел отказываться сегодня от хорошей закуски и выпивки в кругу добрых приятелей. Поэтому...

Он обернулся к доктору, ветеринару и сортировщику.

– Поэтому, надеюсь, вы извините меня за то, что побеспокоил вас? Утешьте меня, успокойте и... проведем вечерок вместе.

– Гм... да чем же вас успокоить? – спросил доктор.

– Простой экспертизой мяса, – ответил сыщик. – Не угодно ли, господа эксперты, пройти со мною на кухню? А вы, господа, пока подождите нас в столовой.

Сказав это, Фрейберг удалился вместе с доктором, ветеринаром и сортировщиком.

Придя на кухню, он приказал старухе-кухарке подать привезенную им телятину.

– Два куска я зажарила, а третий в погребе, – ответила она.

Фрейберг поморщился.

– Ну, тащи сюда третий, – приказал он.

Кухарка принесла телятину и положила ее на стол.

Эксперты углубились в исследование.

– Гм... Это совсем не телятина, – произнес сортировщик, осмотрев мясо и попробовав его на вкус. – Вкус страшно сладкий и цвет... нет, признаюсь, я до сих пор никогда не видал подобного мяса... Я... я не решаюсь быть экспертом.

– Но, во всяком случае, это мясо не может принадлежать молодому щенку, – сказал ветеринар. – У самого толстого щенка вы не найдете такого большого куска мякоти и... при-

том собачье мясо синеватого цвета... Черт его знает, чье это мясо!

Между тем доктор, взяв в руки кусок, глядел на него с выражением величайшего любопытства.

– Ну что? – подошел к нему Фрейберг.

Доктор растерянно взглянул на него.

– Да говорите же! – подбодрил его нетерпеливо сыщик.

– Я... знаете... – заговорил, запинаясь, доктор... – Конечно, если бы это было не у вас в кухне... и если бы это... не было так невероятно... то есть, я хочу сказать, если бы... тьфу ты черт! Если бы это мясо принесли бы ко мне в анатомический кабинет...

– Ну, ну... договаривайте же!

– Я бы сказал, что это мясо человеческое! – отрезал доктор.

Крик ужаса вырвался из уст всех присутствующих.

Кухарка, бросившись на пол, вдруг завывла, запричитала на весь дом.

– Я так и знал! – прошептал сыщик, бледнея. – Да, да... значит, я два раза ел человеческое мясо. Ради Бога, не говорите никому ни слова!

Бледные и дрожащие, эксперты стояли, вперив глаза в страшный кусок.

– Ну, ты! – набросился Фрейберг на кухарку. – Повой еще! Смотри у меня, не дай Бог проговориться раньше времени.

И, обернувшись к экспертам, он вкратце объяснил, в чем дело, не упоминая ни места, ни фамилий, причем, взял с них слово, что они в продолжение трех-четырех дней не проговорятся об этом никому.

Приказав тщательно спрятать сырое и зажаренное человеческое мясо, Фрейберг возвратился к гостям.

– Ну, что? – накинулись на него с вопросами.

– Как я и ожидал, это собачатина, – весело ответил сыщик. – Но теперь, конечно, это блюдо миновало наши желудки. Ну-с, господа, милости прошу к столу.

Но экспертам было не до еды. Сказав, что нет времени, они уехали, а сам Фрейберг, прежде чем начать есть, дол-

жен был хватить залпом полстакана коньяку, чтобы преодолеть чувство брезгливости к какой-либо еде.

Гостям своим он не сказал ничего, чтобы не отбивать им аппетит, а сам в этот вечер особенно сильно налегал на вино, закусывая преимущественно икрой, рыбой, грибами, а после водки – фруктами.

Поздно вечером гости разошлись сильно навеселе и лишь Пиляев задержался.

Когда все ушли и оба приятеля остались наедине, Пиляев подошел к Фрейбергу и положил ему руку на плечо.

– Ну, дружище, от меня нечего скрывать, – проговорил он взволнованно. – Ведь я сразу понял, в чем дело. Понял сию же минуту, как только ты остановился и побледнел, когда сказал, что полных детей словно нарочно выбирают для убоя! Ведь и я один раз вместе с тобой отведал человеческого мяса.

– Налей скорее коньяку! – вместо ответа проговорил Фрейберг.

Приятели чокнулись и залпом выпили по большой рюмке. Без всяких слов они прекрасно понимали друг друга и переживали одно и то же.

На этот раз Пиляев остался ночевать у Фрейберга. Утром Фрейберг проснулся первым и разбудил друга. Стрелки часов показывали шесть.

Оба умылись, напились чаю и стали обсуждать план дальнейших действий.

– Итак, мы должны сегодня же пресечь одно из величайших злодеяний в мире, – заговорил Фрейберг. – Необходимо помнить, что каждый час промедления может стоить жизни живому существу.

– И поэтому нам необходимо идти туда немедленно же, – ответил Пиляев.

– Наоборот, – возразил Фрейберг. – Поспешность в этом деле может лишь все испортить. Ведь мы не знаем, ни как организовано это дело, ни места, где творятся преступления, ни способов самоохранны злодеев. Неужели, если бы не это, я не кинулся бы туда сегодня ночью? Меня смущает то, что в погребе у Серовой хранится лишь уже препара-

рованное мясо. Явись мы к ней, она скорчит выражение ничего незнайки. Ночное посещение лишь возбудит ее подозрение, и все следствие может вылететь в трубу. По этой же причине я не еду туда и сейчас. Она прекрасно понимает, что человек, покупающий телятину по шестьдесят копеек за фунт, не вскакивает в шесть часов утра. Я в ее глазах – барин, гурман, и надо эту роль выдержать до конца...

– Значит, мы поедем...

– Никак не ранее часа дня. Ты, конечно, не пойдешь к ней со мной, а будешь ждать где-нибудь поблизости, откуда ты мог бы слышать сигнал тревоги. Чтобы исключить всякое подозрение, я возьму с собой какую-нибудь фею из демимонда.

Порешив на этом и обговорив детали, приятели вышли на улицу, чтобы раздобыть подходящую даму.

Около часа дня нарядные сани без номера въехали в Старую деревню и остановились около мясной торговли Авдотьи Серовой. Оставив даму, взятую для виду, в санях, знаменитый сыщик выскочил из них и вошел в лавку, из двери которой ему уже кланялась хозяйка, как постоянно-му покупателю.

– Ну, как насчет телятинки? – спросил весело Фрейберг.

– На вас и не напасешься, – засмеялась ужасная продащица. – Вчера брали, а сегодня опять уж пожаловали.

– Разве нет больше? А жалко! Я хотел было угостить одну мою хорошую приятельницу, – вздохнул сыщик.

– Ну, погоди, – в раздумье проговорила баба. – Может, и наскребу что-нибудь, только много не будет!

– Да уж сколько есть! – просительным тоном произнес Фрейберг.

– Ну, ну, погоди, – ответила Серова, выходя.

Прошло минут пять.

– Что же это она так возится? – с досадой проговорил сыщик.

– Счас придет, – ответил мальчик.

– Ну да, она два часа там будет, а мне некогда! – проворчал Фрейберг, направляясь к задней двери.

– Туды мамка не велит! – крикнул мальчишка.

Но было уже поздно.

Быстро выскочив на двор, сыщик огляделся и увидел отворенную дверь сарая, в петле которой висел замок. Тихо подкравшись, сыщик резко распахнул ее и, подскочив к открытому люку, заглянул вниз. Страшное зрелище представилось его глазам.

На льду лежал весь изрезанный человеческий труп, над которым с ножом в окровавленных руках возилась женщина.

Услышав шум, отвратительная фурия повернула голову, увидела сыщика и застыла в неподвижной позе с выражением ужаса на лице. Но смятение ее продолжалось лишь секунду. Поняв, что пришел ее конец, она взмахнула ножом и бросилась на сыщика.

Но Фрейберг, отскочив на секунду от люка, схватил лежавшее около него полено, и как только голова женщины и ее поднятая окровавленная рука с ножом поднялись из отверстия, что было силы ударил ее по голове.

С глухим стоном отвратительная тварь повалилась на изрезанный труп.

В ту же секунду резкий свисток Фрейберга огласил двор, и Пиляев, весь красный и дрожащий от волнения, подскочил к нему, спрыгнув с крыши сарая, на которой, как оказалось, он сидел до того времени.

Разбойница лежала на льду без сознания, и надеть на нее ручные кандалы было делом нескольких секунд.

– Распорядись-ка позвать полицию и оцепить дом, – проговорил Фрейберг, – а я пока займусь этой прелестной особой.

Как только Пиляев исчез, сыщик достал из кармана нашатырный спирт и поднес склянку к носу женщины.

Медленно она открыла глаза.

– Ну, милая, теперь ты не уйдешь из моих рук, – произнес сыщик. – Говори же: есть ли у тебя еще живые жертвы?

Фурия окинула его взглядом, полным ненависти.

– Ищи, – прошипела она.

– Ага, вот ты как! – холодно заговорил сыщик. – Ну, матушка, виселица по тебе соскучилась. Попробую обойтись и без тебя.

В это время к ним подошел Пиляев с двумя городовыми.

Передав городовым женщину и приказав арестовать ее сына, Фрейберг кивнул Пиляеву, и они вышли из погреба. Осмотр жилого помещения ни к чему не привел.

– Нет ли следов во дворе? – предположил Пиляев.

– И правда, – согласился Фрейберг.

Они вышли во двор и, пригнувшись к земле, стали искать следы.

– Вот! – выкрикнул вдруг Фрейберг.

След маленькой ноги ясно отпечатывался на снегу около закрытого на замок курятника.

– А ну-ка, ломай! – крикнул сыщик.

Под напором дюжих плеч Пиляева дверь с шумом рухнула.

Войдя, согнувшись, в заброшенный, по-видимому, курятник, Фрейберг приложил палец к губам, и оба сыщика замерли на месте, прислушиваясь.

Вдруг словно отдаленный плач раздался где-то под ними.

Бросившись на землю, оба сыщика прильнули к полу. Сомнения не было – кто-то плакал глубоко под ними.

Сыщики стали осматривать стены и разрывать щепки, покрывавшие пол густым слоем.

Крик радости вырвался из уст Фрейберга. Он приподнял одну из досок, и в образовавшемся отверстии показалась спускавшаяся вниз деревянная лестница.

– Лампу! – потребовал Фрейберг.

– Вот... у меня есть электрическая! – взволнованно проговорил Пиляев, вынимая карманный фонарь и освещая им отверстие.

Сыщики стали осторожно спускаться.

Спустившись сажен на шесть, они очутились перед запертой на задвижку дверью, обитой войлоком, заглушав-

шим звуки. Быстро открыв ее, они вошли в небольшую подземную комнату, тускло освещенную керосиновой лампой.

На деревянной скамейке сидели два мальчика. Увидев вошедших, они бросились в угол и разразились надрывающим душу плачем.

– Ну, ну, детки, не бойтесь! – со слезами на глазах произнес Фрейберг. – Мы пришли, чтобы освободить вас. Пойдемте скорее на улицу, мы отвезем вас домой.

Через несколько минут все четверо были уже наверху. Обласканные мальчуганы, почувствовав себя на воле, расхрабрились и наперебой рассказывали о своих приключениях.

– Она злая! – со страхом говорил один из них. – Я вышел погулять в Летний сад, а она подошла. «Хочешь, – говорит, – мальчик, покататься? Я тебе конфет дам!» Ну, поехали, она привезла меня сюда и сказала, что в курятнике покажет мне красных птичек, а как влезли туда, открыла доску и потащила вниз.

– И меня тоже так, – перебил другой мальчик. – Я уже три дня сижу!

– А я два! – воскликнул первый.

– А при вас там были еще дети? – спросил сыщик.

– Была девочка, – ответил один из мальчиков. – Она все плакала, а позавчера баба ее утащила. Сказала, что к папе поведет.

– Ну, ничего, детка! – дрожащим голосом проговорил Фрейберг. – Поедем по домам. А ваша мучительница, надеюсь, не избавится от виселицы.

И в сопровождении сыщиков и городских все вышли на улицу.

АВТОМОБИЛЬ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

На дворе стоял конец августа. День был знойный и на улицах Петербурга не видно было особенного оживления. Обыватели частью жили еще на дачах, частью находились на службе, и город выглядел пустовато.

Ремонт домов и торговых мостовых спешно заканчивался к предстоящему осеннему сезону, и группы рабочих мелькали там и сям посреди улицы и на постройках.

Часы Петропавловского собора лениво прозвонили «Коль славен...» и отбили четыре часа.

Не успел расплыться в воздухе последний удар, как рядный блестящий автомобиль-каре́та вынырнул откуда-то около Адмиралтейства и понесся полным ходом по Невскому проспекту.

В карете автомобиля не было никого видно и занавески на окнах не были спущены. Впереди же сидели два человека, из которых один правил машиной, а другой пристально всматривался в улицу. Оба были закутаны в широкие брезентовые пальто, на головах нахлобучены такие же брезентовые шапки, закрывавшие лбы и затылки до самой шеи, а огромные темные очки скрывали почти всю верхнюю часть лица.

Все это делало автомобилистов похожими на каких-то странных уродов.

Но что больше всего обращало на себя внимание, так это передняя часть автомобиля. Спереди он был как бы срезан наискось, и на срезе, блистая позолотой, так и сияло выпуклое изображение святителя Николая, окруженное изящной рамой из темной бронзы.

Автомобиль, не производя никакого шума, несся по Невскому проспекту так быстро, что приводил в ярость стоявших на постах городских и околоточных, знаками приказывавших шоферу умерить ход.

Поравнявшись с городской думой, человек, сидевший рядом с шофером и пристально смотревший на тротуар на-

против Гостиного двора, нагнулся к соседу и шепнул ему что-то на ухо. В ту же минуту автомобиль круто повернул и остановился, не доезжая ресторана «Квисисана». Человек, сидевший с шофером, резво соскочил на землю, отворил настежь дверцу кареты и встал около нее, держась за ручку и улыбаясь вызывающей, злой улыбкой.

В это время из дверей магазина вышла стройная, изящно одетая женщина, лицо которой было покрыто густой вуалью. Увидев автомобиль, она вздрогнула и отшатнулась, схватившись рукой за сердце. Без сомнения, она упала бы на тротуар, если бы незнакомец не подоспел к ней.

Сильной рукой он подхватил ее за талию.

– Все зависит от вас! – прошептал он. – Не советую задерживаться. Вы видите, вокруг нас уже начинает собираться толпа любопытных.

И, не дав женщине опомниться, он втолкнул ее в карету автомобиля, захлопнул дверцу и, сев рядом, быстро спустил шторы. Шофер дал газ и автомобиль умчался дальше по Невскому.

«Лови! Держи!» – раздался вдруг голос из начавшей собираться толпы и резкий полицейский свисток трелью пронесся по улице. С тротуара соскочил худощавый, высокий шатен средних лет с гладко выбритыми бородой и усами.

Но было уже поздно. Автомобиль уже был далеко, и шатен успел лишь разобрать его номер – 289.

Среди городских начался переполох. Все разом засвистели, один из них бросился было к автомобилю на углу Владимирской улицы, но шофер сделал едва заметный зигзаг, сшиб его с ног и, пока он управлялся и ругался с чуть не наехавшим на него кучером, исчез из глаз, повернув в один из переулков.

Между тем человек, поднявший тревогу, не захотел так просто отказаться от погони. Он успел заметить сумятицу, произведенную автомобилем на углу Невского и Владимирской, и, вскочив на первого попавшегося извозчика, помчался вдогонку.

Однако, доехав до Владимирской улицы, он одумался. Гнаться на извозчике за автомобилем, притом давно исчезнувшем из виду, было явно абсурдом.

Соскочив с извозчика, господин подошел к постовому городовому.

– Не видали ли вы автомобиля, промчавшегося только что по Невскому и свернувшего на Владимирскую? – спросил он.

– Еще бы не видал, когда он нарочно чуть не задавил меня! – воскликнул городской со злостью.

– Куда он скрылся?

– Ей-Богу не знаю! Я барахтался на земле. А вот номер все-таки разглядел хорошо.

И, погрозив кулаком в сторону скрывшихся, городской пробурчал:

– Ну, погоди у меня! Уж я тебя разыщу!

– А какой номер? – полюбопытствовал господин.

– Сто семьдесят первый.

– Не может быть! – вырвалось у господина. – Я сам гонюсь за ними и прекрасно запомнил, что он под номером двести восемьдесят девять. У него на срезе спереди изображен образ Святителя Николая?

– Никак нет! – недоуменно протянул городской. – Когда я услышал полицейский свисток со стороны Аничкова моста, я обернулся и увидел, что мимо меня несется что есть духу автомобиль... Я бросился к нему, а он повернулся, сшиб меня с ног и...

Тут городской свистнул и махнул рукой.

– Как же он выглядел спереди? – снова спросил господин.

– Черный без малейшей блески.

Но тут городской вдруг осознал, что болтает с совершенно посторонним человеком и, переменяв тон, сурово произнес:

– А вы, барин, проходите! Мне некогда, я на посту.

– Ну, милый, – ответил господин. – В таком случае я тебе скажу, что свисток подавал я.

Городовой сразу переменялся.

– Из сыскного будете? – спросил он тихо.

– Да, – ответил незнакомец. – Фамилию Фрейберга, вероятно, слышал?

– Господи! – воскликнул городской. – Да как же это я сразу не признал вас, Карл Эдуардович. Первого в России сыщика не признал, подожди ж ты! Ведь раза два я вас в лицо видел!

– Ну, так вот, – улыбнулся король русских сыщиков. – Теперь скажи: хорошо ли ты действительно запомнил номер и вид автомобиля?

– Уж на что лучше!

Фрейберг опешил.

– Гм... – пробормотал он. – Я своими глазами видел, как автомобиль въехал на Аничков мост и помчался в твою сторону! Кроме него, никаких других автомобилей я не видел...

– Да один только и был! – подтвердил городской.

– Шторы на нем, я заметил, были спущены.

– И у того, что наскочил на меня, тоже были спущены. Лихорадка его возьми!

– Странно... очень странно... – тихо произнес Фрейберг.

– Несомненно, мы видели один и тот же автомобиль, но только под разными номерами и в разных видах... Что за черт! Кто-нибудь из нас двоих... Нет... опять не то!

Кивнув городовому, сыщик прошел на тротуар и направился домой, раздумывая о происшедшем казусе.

Дома Фрейберг застал Пиляева, пришедшего к нему посидеть часок-другой.

– Нет, ты вообрази себе историю! – начал Фрейберг, пожимая руку приятеля.

И он рассказал самым подробным образом все, что случилось с ним на Невском.

– А чего ты, собственно говоря, ввязался в эту историю? – спросил тот, выслушав рассказ до конца. – Тебе знакома эта дама?

– Никогда в жизни не видел ее!

– Так зачем было устраивать всю эту кашу? – удивился Пиляев. – Разве тут не могут быть какие-нибудь интимные отношения, до которых полиции нет решительно никакого дела?

– Так-то оно так, – проговорил Фрейберг задумчиво. – Но... видишь ли... в жизни часто бывают такие случаи, когда инстинкт толкает человека на что-нибудь помимо его воли... Вся обстановка сегодняшнего происшествия чересчур необыкновенна, и эта-то необыкновенность и заставила меня вмешаться в это дело.

– Но позволь...

– Нет, дай договорить! Во-первых, автомобиль мчится по улице словно одурелый; во-вторых, никогда я не видел, чтобы на автомобилях изображали образа; в-третьих, ужас незнакомой дамы и насильное овладение ею; в-четвертых, с одного пункта автомобиль отходит с одним номером и в одном виде, а к следующему пункту подходит, переменяв неизвестным образом и номер и вид! Нет, ты как хочешь, а случай этот не из ряда обыкновенных, и хоть режь мне голову, я подозреваю здесь нечистое.

– Оно, положим, и правда: все произошло как-то странно, – произнес Пиляев. – Если бы у седоков совесть была чиста, они, конечно, остановились бы и не толкали городского с целью помешать преследованию.

Оба приятеля стали со всех сторон обсуждать происшествие. В пять часов кухарка подала обед.

Около семи часов вечера Пиляев уже взялся за шляпу, но звонок в прихожей заставил его задержаться. Через минуту в комнату вошла кухарка и подала Фрейбергу маленькую, изящную визитную карточку.

– «Графиня Анна Владимировна Сторжицкая», – прочел вслух сыщик и удивленно посмотрел на Пиляева, потом на кухарку.

– Ну, проси же скорее! – сказал он наконец.

Кухарка удалилась. В комнату вошла стройная, элегантная дама с густой вуалью на лице.

– Автомобиль! – вне себя от удивления проговорил Фрейберг, сразу узнавая даму по фигуре.

Дама вздрогнула.

– Откуда вы знаете? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Не знаю почему, но я гнался за тем автомобилем, на котором вы уехали сегодня с Невского, – ответил сыщик, улыбаясь. – Но, уверяю вас, что вас и автомобиль я видел совершенно случайно и мое любопытство возбудила странность обстановки.

Этот ответ, видимо, успокоил даму.

– Я... я имею к вам очень важное, интимное дело, – заговорила она, – о котором хотела бы поговорить с глазу на глаз.

– В таком случае вам нечего стесняться моего приятеля, – ответил сыщик. – Это господин Пиляев, мой лучший помощник, и если вы пришли ко мне, как к сыщику, в услугах которого чувствуете надобность, то мой приятель не откажется поработать вместе со мною.

– О, тогда я охотно доверюсь вам обоим, – ответила графиня. -- Но... только вы должны поклясться, что все рассказанное мною умрет вместе с вами.

– Об этом нет необходимости предупреждать, – с улыбкой проговорил Фрейберг. – В этом отношении я испорчу себе репутацию – наше ремесло отнюдь не разрешает нам быть болтливыми. Поэтому я просил бы вас при изложении дела быть совершенно откровенной и не упускать ни малейшей мелочи.

– Я исполню ваше требование, – смущенно прошептала графиня.

Легким движением руки она откинула с лица вуаль и на сыщиков глянуло прекрасное, молодое лицо поразительной нежности, с большими томными темно-кариими глазами...

Графиня придвинула к себе стул и, сев около круглого столика, заговорила.

– Сама я русская. Мой отец, князь Удельский, происходит из старинного княжеского рода. Правда, он небогат, так как дед мой успел при своей жизни спустить почти все состояние. Но крохи от этого состояния уцелели и с большой натяжкой, благодаря экономности отца, мы кое-как всегда

сводили концы с концами. По характеру отец мой очень нервен, настойчив и слегка самодур, а мать – женщина бесхарактерная. Два с половиной года тому назад я была еще девушкой...

Графиня запнулась и густо покраснела...

– О-о! Нас вы можете не стесняться. Смотрите на нас, как на бездушные и бессловесные машины, работой которых вы пользуетесь, – проговорил Фрейберг, подбадривая ее.

– Спасибо, – грустно кивнула головой красавица. – Итак, я продолжаю. Мне было тогда восемнадцать с половиной лет и мою молодую голову совсем не занимали вопросы о партиях. Моя натура жаждала любви, не разбирая ни рангов, ни титулов, ни богатства. Ну... короче говоря, я влюбилась... Вы понимаете, конечно, что влюбленные молодые люди держат себя обыкновенно не совсем осторожно. Если бы это случилось со мною теперь, конечно, я избегала бы записок, но тогда я об этом не думала. Предметом моей любви был некий Броннов – медик, который через полгода должен был окончить военно-медицинскую академию. В это же самое время за мной очень настойчиво ухаживали два молодых человека из нашего круга: двадцатишестилетний князь Семизеров и двадцатидевятилетний граф Виктор Сторжицкий, ставший впоследствии моим мужем...

Графиня на минуту умолкла. Видимо, она сильно волновалась. Налив себе в стакан вина, стоявшего на столе, она отпила несколько глотков и, собравшись с силами, продолжала свой рассказ:

– Не знаю почему, но князь Семизеров всегда производил на меня отталкивающее впечатление. Он был недурен собою, богат, с большими связями и славился в своем кругу как один из самых развратных донжуанов. Мой теперешний муж, граф Сторжицкий, всегда был мне симпатичен. У него светлый ум, красота, мягкий характер. Единственное, что несколько портило его, – это болезненное самолюбие и непомерная гордость.

Любил он меня до безумия, и если бы сердце мое не было занято другим, я, ни слова не говоря, отдала бы еще

тогда ему мою руку. Кстати, этого брака желали и мои родители, которым граф очень нравился.

Но... как я уже говорила вам, мое сердце было занято другим.

Броннов был из хорошей, небогатой семьи, типичный труженик, который трудом и настойчивостью, без сомнения, пробил бы себе в будущем хорошую дорогу.

Родители мои, когда я намекнула им о своей симпатии к молодому человеку, категорически дали мне понять, что никогда не согласятся на этот брак, и мы... мы стали прятать нашу любовь от света... Я не могу говорить все подробно, да это и не нужно.

Между нами решено было, что, как только Броннов сдаст выпускной экзамен, мы обвенчаемся тайно, и когда до экзаменов остался лишь один месяц...

Графиня умолкла и опустила глаза.

– Можете выпустить это место из вашего рассказа, – мягко произнес сыщик. – Я вас понял и так.

– Да... – прошептала графиня. – Я согласилась стать на два месяца его тайной гражданской женой, чтобы показать ему, что не думаю об отступлении. Но... судьба готовила мне страшный удар. За несколько дней до последнего экзамена один из моих знакомых в присутствии Броннова выразился грубо по моему адресу, и Броннов вызвал его на дуэль.

Губы графини дрогнули и на глазах выступили крупные слезы.

– Он кончил печально? – спросил Фрейберг.

– Его убили наповал, – ответила графиня. – Через час после смерти мне было доставлено письмо, найденное в его кармане и адресованное мне. В нем, предчувствуя свою смерть, он умолял простить его, называл меня своей женой перед Богом и изливал на меня поток ласки и предсмертной тоски.

В это время у нас в гостях сидел князь Семизеров. Когда мне подали письмо, в гостиной были только мы вдвоем. Я прочла письмо и без чувств грохнулась на пол. Когда я оч-

нулась, князь по-прежнему был около меня, а кроме него, рядом стояли моя няня и мать.

Я с ужасом поняла, что письмо исчезло.

Князь заметил мой растерянный вид и, улыбаясь, показал на камин.

– Я видел, что письмо доставило вам горе, – произнес он, – а потому решил сжечь его. Если я сделал глупо, простите меня.

Взглянув в камин, я действительно увидела лист бумаги, уже превратившийся в пепел, и догоравший конверт.

Конверт я узнала сразу, и это меня успокоило.

Графиня умолкла, чтобы немного отдохнуть. Воспользовавшись паузой, Фрейберг налил ей легкого вина и предложил освежить горло.

Волнуясь, она последовала его совету и, когда волнение улеглось, продолжала:

– На самом деле этот негодяй не сжег письма. В огонь он сунул другую бумажку, а конверт, вероятно, кинул в огонь, когда увидел, что я очнулась, чтобы убедить меня в правдивости своих слов. Но... я долго не знала об этом.

Мое положение сделалось ужасным. Обдумав хорошенько, я решила признаться во всем матери. Что тут было! И, как назло, домогания моей руки со стороны графа Сторжицкого делались все настойчивее и настойчивее. Через полмесяца после смерти Броннова он сделал мне официальное предложение.

Я уже была беременна, но конечно, никто пока этого не замечал.

Что мне было делать?

Не ответив Сторжицкому ничего определенного, я бросилась к матери, совершенно потеряв голову от стыда и ужаса перед грядущим позором.

Но родить незамужней было еще позорнее.

Поговорив со мной, мать куда-то ушла, а вечером, зайдя ко мне в комнату, она сказала:

– Дай свое согласие графу.

– Но... ведь он узнает все, – начала было я, но мать резко перебила:

– Ни другие, ни он не узнают ничего. Медицина и хирургия делают сейчас чудеса. Мы уедем в Париж, и граф поедет с нами. Там гораздо удобнее будет ускорить свадьбу, а в это время хирург делает то, что нужно. Таким образом, ты родишь через восемь месяцев. Такие роды все назовут преждевременными и никто ничего не узнает, а граф будет убежден, что взял тебя девушкой.

Все сделалось так, как хотела моя мать.

Через два дня мы экстренно собрались в Париж, а через десять дней я обвенчалась с графом в посольской парижской церкви.

Операция заняла всего два дня, а результат получился настолько удачный, что графу даже в голову не пришло заподозрить меня в чем-нибудь.

Перед родами я вместе с матерью уехала в Лондон, и таким образом скрылось даже то, что я родила месяцем раньше. Я нарочно задержалась в Лондоне на три месяца после родов и не позволила мужу приехать ко мне.

Затем мы встретились, пожили еще около полугода за границей и возвратились в Россию.

Сначала все здесь шло хорошо. Князь Семизеров был в своем имении, а кроме него никто не знал моей тайны. Но когда Петербург съехался, вернулся и он.

Однажды он приехал к нам с визитом. Мне сразу бросилась в глаза развязность, с которой он держал себя по отношению ко мне. Он смотрел на меня с нескрываемым вожделением, и счастье мое, что в эту минуту моего мужа не было дома.

Когда Семизеров встал прощаться, он произнес:

– Мне нужно поговорить с вами наедине.

– Зачем? – удивилась я.

– Так, – ответил он загадочно. – Помните только, что ваша судьба тесно связана со мною.

При этом он улыбнулся самой беспечной улыбкой и вышел, не дав мне опомниться.

Я ничего не могла сообразить. Но вскоре все выяснилось.

Через два дня, выйдя на улицу, я встретила князя. Он, видимо, ждал меня около нашего дома.

Когда я вышла, он быстро подошел ко мне, сунул мне в руку записку и, проговорив: «Очень нужно. Прочтите», исчез.

Отложив прогулку, я вернулась домой и прочла письмо.

«Последнее письмо Броннова в моих руках, – писал он. – И взять его назад можете только вы. Завтра в три часа мой автомобиль будет ждать вас напротив Гостиного двора. Вы отличите его по нашему фамильному образу святителя Николая».

– Это было сегодня? – перебил Фрейберг.

– Да, – ответила графиня. – Волей-неволей я должна была прийти на свидание. Я хотела было ограничиться переговорами на тротуаре, но была так потрясена, что почти лишилась сознания, и он насильно усадил меня в экипаж.

– Куда же вы ездили?

– Не знаю. Улица, на которой мы остановились, глухая и неизвестная мне, а сидели мы в комнате, очень бедно отделанной.

– И что предложил вам князь?

– Он... он поставил мне условием, чтобы я отдалась ему.

– И вы...

– Я дала ему пощечину.

– Прекрасно! – воскликнул с восхищением Фрейберг.

– Но... я думаю, это вызвало с его стороны какое-нибудь новое требование?

Графиня покраснела, и глаза ее гневно сверкнули.

– Получив пощечину, он побледнел, а потом сказал: «Вы оскорбили меня, и теперь, вместо того, чтобы отдалась мне только раз, вы сделаетесь моей тайной любовницей надолго». Последний ответ он велел дать мне завтра. Автомобиль святителя Николая будет стоять в полдень около ресторана «Медведь».

– А письмо?

– Оно будет при нем.

– Прекрасно, – кивнул сыщик. – Выходите в назначенный час и садитесь в автомобиль.

– Но...

– Об остальном не беспокойтесь, – решительно произнес сыщик.

Графиня горячо пожалала ему руку.

– У меня вся надежда на вас, – прошептала она взволнованно.

– И я постараюсь оправдать ее, – горячо ответил сыщик.

– А пока спокойно идите.

Накинув вуаль, красавица простилась с сыщиками и вышла.

– Итак, дорогой друг, немедленно примемся за работу!

– потер руки Фрейберг, обращаясь к Пиляеву. – Я пойду в одно место, а вы закажите к завтрашнему дню самый быстрое автомобиль.

Поздно вечером Фрейберг возвратился домой. Вид у него был веселый, и он, шагая взад и вперед по комнате, довольно насвистывал какую-то песенку.

Утром зашел Пиляев и, хорошенько закусив, сыщики вышли на улицу. Автомобиль, заказанный Пиляевым, должен был ждать их на углу Большой Конюшенной.

Действительно, он оказался на месте. Заняв места и повернув автомобиль лицом в сторону ресторана «Медведь»*, сыщики стали ждать.

Ровно без четверти двенадцать шикарный автомобиль с изображением лика святителя Николая остановился у ресторана. В ту же минуту из публики, фланировавшей по тротуару, выделилась знакомая сыщикам женская фигура.

Человек, сидевший рядом с шофером, быстро соскочил с сиденья, отворил двери, посадил даму и сел рядом с ней, опустив шторы на окнах.

---

* Один из самых популярных ресторанов старого Петербурга с двумя большими залами и 29 отдельными кабинетами, открывшийся в 1878 г. на Б. Конюшенной. Название получил по чучелу медведя с подносом в лапах, которое было установлено в вестибюле.

Через секунду машина заработала, и автомобиль понесся по Большой Конюшенной, удаляясь от Невского.

– Трогай! – крикнул Фрейберг. – Не упускай из вида тот автомобиль.

Перелетев через Троицкий мост, автомобиль святителя Николая мчался по Каменноостровскому проспекту.

Сыщики следовали за ним.

Таким образом миновали они Строгановский мост, затем Новую деревню, Черную речку и понеслись по гладкому шоссе. Расстояние между автомобилями было около версты.

Но вот передний автомобиль сделал крутой поворот и сразу, словно по волшебству, исчез из глаз. Сыщики так и подскочили от удивления, не видя кругом ни леса, ни оврагов.

Доехав до того места, где исчез автомобиль, Фрейберг остановил экипаж и, соблюдая величайшую осторожность, вышел из него вместе с Пиляевым. При более тщательном осмотре местности Фрейберг заметил небольшой ложок, который кончался недалеко отсюда и протянулся на расстояние не более четверти версты.

– Они тут, – прошептал он.

И, дав знак Пиляеву, чтобы тот следовал за ним, почти бегом пустился по ложку.

Лог заворачивал вправо, и дно его, за исключением полосы шириною в сажень, густо покрывал кустарник орешника. Пользуясь им, сыщики двинулись вперед, бесшумно раздвигая тонкие ветви.

Лишь только они очутились за поворотом, они увидели автомобиль. Он стоял посреди прогалины, и шофер мирно дремал около него на разостланном пледе.

А недалеко от автомобиля виднелся раскинутый шатер.

Миновав автомобиль, незаметно ползя среди кустов, сыщики приблизились к шатру.

Сдержанный говор доносился оттуда.

Один был женский, умоляющий, другой властный, мужской.

– Я не отступлю перед своим требованием! – долетела до их слуха фраза.

– Но вы же князь! Человек, который должен быть образцом джентльменства! – умолял другой голос.

– Мое слово – закон, – твердо сказал мужской голос.

В шатре завязалась борьба.

В ту же секунду Фрейберг с револьвером в руках вступил в шатер. И как раз вовремя.

Схватив графиню за руки, князь поднял ее.

Но, получив страшный удар по голове, он грохнулся вместе со своей ношей на землю. Крик ярости вырвался из его уст. Он сунул руку в карман, но новый удар по руке заставил ее повиснуть плетью.

– Разбойники! – прохрипел он с ужасом, не будучи в состоянии противиться Пиляеву, который схватил его за горло и свободной рукой вытаскивал из его кармана револьвер.

– О, нет, – презрительно ответил Фрейберг. – Мы лишь агенты сысской полиции, преследующие шантажиста.

Князь побледнел:

– Что вы хотите от меня?

– Письмо господина Броннова, – холодно ответил сыщик.

– У меня его нет!

– Смотрите, князь, ведь вы будете обвиняться в двух преступлениях...

И вдруг, переменив тон, сыщик произнес:

– А впрочем, с негодьями не церемонятся! Можете потом жаловаться на меня.

С этими словами, несмотря на отчаянные попытки к сопротивлению, сыщик начал выгружать из карманов князя все содержимое.

– Вот, вот оно! – воскликнула графиня, успевшая между тем успокоиться и с наслаждением следившая за ходом дела.

Сыщик подал письмо графине.

– Теперь, графиня, вы можете сказать ваше последнее слово его сиятельству.

Несколько секунд женщина молчала.

И вдруг громкая пощечина раздалась в шатре.

– Это мое последнее слово! – проговорила она, глядя на побледневшего князя.

– А теперь, ваше сиятельство, и я скажу вам несколько слов. Не утруждайте графиню преследованием. В эту ночь я хорошо поработал. Я узнал, что ваше состояние сильно пошатнулось. Оно пошатнулось в такой степени, что вам пришлось выдать ростовщику Зубергу подложный вексель на семь тысяч рублей. Зуберг меня в руках. И... вы понимаете, этот вексель тоже у меня в руках. Я заплатил за него сам, а ради вас отдал Зубергу один документик, из-за которого его надо бы посадить месяца на три. Но... услуга за услугу! До свидания. Вы уйдете отсюда не ранее, чем через пять минут.

И, обернувшись к графине, сыщик галантно подал ей руку:

– Я провожу вас до города.

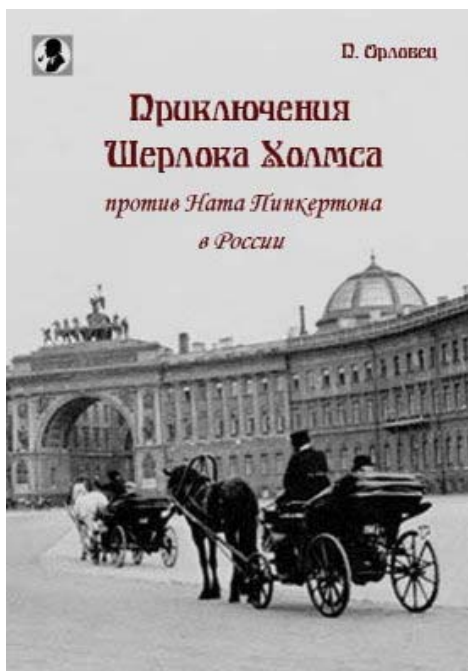

Оглавление

<i>А. Шерман. Упущенный шанс Карла Фрейберга</i>	7
Приключения Карла Фрейберга	
Похититель живых людей	10
Громила-любитель	40
Юродивый Ивашка	69
Страшная телятина, или тайна подполья	98
Автомобиль святителя Николая	114
Книги серии «Новая шерлокиана»	130

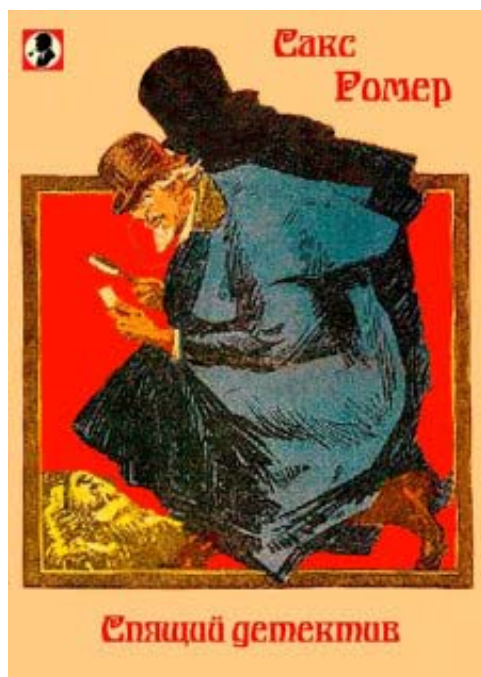
В серии «Новая шерлокиана» вышла книга:

Мало кому известно, что Шерлок Холмс и его верный спутник доктор Уотсон боролись с преступниками не только в Англии и Западной Европе, но и в далекой России. Здесь, на заснеженных просторах империи, Шерлоку Холмсу предстоит померяться силами с прославленным американским детективом Натом Пинкертоном! Российские расследования Шерлока Холмса – в книге писателя и журналиста П. Орловца (П. П. Дудорова) «Шерлок Холмс против Ната Пинкертона в России», впервые изданной в 1909 г.

Этой книгой наше издательство открывает серию «Новая шерлокиана». В нее войдут книги о знаменитых детективах, которые соперничали в свое время в популярности с Шерлоком Холмсом, шерлокианские статьи и материалы и, конечно, истории о новых приключениях великого сыщика.

В серии «Новая шерлокиана» вышла книга:

Один из самых странных детективов на свете, Морис Клау не бродит по лондонским подземельям с револьвером и не рассуждает у камина о тонкостях дедуктивного метода. Он... спит и разгадывает криминальные загадки во сне.

Убийство портретиста в уединенной мастерской и похищение драгоценного алмаза «Голубой раджа», привидение в Грейндже и загадочная история с обезглавленными мумиями: Клау способен одержать верх над самым изощренным преступником...

Расследования Мориса Клау и его прекрасной дочери Изиды – в классической книге Сакса Ромера «Спящий детектив». Эта книга Ромера, создателя зловещего доктора Фу Манчу, впервые переводится на русский язык.

В серии «Новая шерлокиана» вышла книга:

В книгу «Шерлок Холмс на сцене» вошли четыре пьесы о знаменитом детективе, написанные А. Конан Дойлем и известным актером и драматургом У. Жилеттом, который на протяжении двух с лишним десятилетий сотни раз выходил на подмостки в образе Шерлока Холмса.

В этих драматических произведениях, служащих прекрасным дополнением к шерлокианскому «канону», Холмс сталкивается с хитроумными преступниками, вместе с доктором Уотсоном переживает новые приключения, принимает на Бейкер-стрит сумасбродную поклонницу и даже... женится.

Большая часть включенных в книгу произведений впервые переводится на русский язык.